

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ

ЭНН БИШОП

ДОЧЬ КРОВИ

Автор бестселлеров сериала THE BLACK JEWELS

Черные драгоценности

Энн Бишоп
Дочь крови

«Центрполиграф»

2011

Бишоп Э.

Дочь крови / Э. Бишоп — «Центрполиграф», 2011 — (Черные драгоценности)

Существует пророчество, согласно которому в мир, разорванный на части жадностью и предательством, придет живая легенда, мечта во плоти, Ведьма, обладающая неограниченным могуществом, способная управлять сильнейшим из Драгоценных Камней, и положит конец междоусобицам. Представители Крови затаили дыхание в ожидании появления Королевы – и вот время настало... Но Джаннель – еще совсем ребенок, невинная девочка с большими голубыми глазами, открытая всему миру и подверженная влиянию. Самые могущественные властители ведут жестокую битву за право направлять и обучать ее, где оружием может служить как ненависть, так и любовь. Джаннель предстоит разгадать хитроумные планы врагов, избежать магических ловушек, пережить не одно предательство и в конце концов осуществить свое предназначение.

© Бишоп Э., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Драгоценные Камни	5
Иерархия Крови (касты)	6
Пролог	7
Террилль	7
Часть первая	10
Глава 1	10
1. Террилль	10
2. Террилль	17
3. Ад	24
4. Ад	28
Глава 2	36
1. Террилль	36
2. Ад	40
3. Террилль	43
4. Ад	52
5. Ад	55
Часть вторая	60
Глава 3	60
1. Кэйлеер	60
2. Террилль	62
3. Террилль	63
4. Кэйлеер	64
5. Террилль	66
6. Ад	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Энн Бишоп

Дочь Крови

Посвящается Блэр Бун и Чарльзу де Линту

Драгоценные Камни

Белый
Желтый
Тигровый Глаз
Розовый
Небесно-голубой
Лиловый Сумрак
Опал¹
Зеленый
Сапфир
Красный
Серый
Эбеново-серый
Черный

Приносящий Жертву Тьме может опуститься не более чем на три ступени от Камня, носимого по Праву рождения.

Например, если Камень по Праву рождения – Белый, то носящий может опуститься до Розового.

¹ Опал – пограничный Камень между светлыми и темными, потому что может быть и тем и другим.

Иерархия Крови (касты)

Мужчины

Лэнден – представитель любой из рас, не принадлежащий к Крови.

Мужчина Крови – общее название для любого мужчины, принадлежащего к Крови; относится также к тем, кто не носит Камни.

Предводитель – мужчина, носящий Камень, равный по статусу ведьме.

Князь – мужчина, носящий Камень, равный по статусу Жрице или Целительнице.

Верховный Князь – опасный, крайне агрессивный представитель мужского пола, носящий Камень, по статусу чуть ниже Королевы.

Женщины

Лэнден – представительница любой из рас, не принадлежащая к Крови.

Женщина Крови – общее название для любой женщины, принадлежащей к Крови; обычно относится к тем, кто не носит Камни.

Ведьма – женщина Крови, носящая Камень, но не принадлежащая при этом к другим кастам; также может относиться к любой женщине, носящей Камень.

Целительница – ведьма, способная исцелять телесные раны и болезни, по статусу равна Жрице или Князю.

Жрица – ведьма, отвечающая за алтари, Святилища и Алтари Тьмы; заключает помолвки и браки, совершает жертвоприношения, по статусу равна Целительнице или Князю.

Черная Вдова – ведьма, исцеляющая разум, сплетающая сложные паутины снов и видений, обучена творить иллюзии и превосходно разбирается в ядах.

Королева – ведьма, которая правит Кровью, считается сердцем страны и душой Крови, а потому является центральной фигурой в их обществе.

Пролог

Террилль

– Терса Ткачиха, Терса Обманщица, Терса Пересмешница.

Когда лорды и леди Крови, носящие Камни, устраивают приемы, мой черед развлекать гостей наступает после того, как умолкает музыка, когда гибкие девушки и юноши устают танцевать, а лорды, выпив слишком много вина, желают услышать предсказание.

– Расскажи нам свои сказки, Ткачиха! – кричат они, ощупывая прелести юных служанок, пока леди пожирают глазами юношей, решая, кому из них будет суждено испытать болезненное наслаждение в их постели.

Я была одной из них – женщиной Крови, ничем не хуже других.

Впрочем, это не совсем верно. Я *не была* Кровью, ибо отличалась от них. Поэтому я сломалась той ночью, стоило мне оказаться в объятиях одного из Предводителей – моя сущность разбилась на части, сохранив лишь осколки того, что могло бы быть.

Нелегко сломить мужчину Крови, носящего Камень, но жизнь ведьмы целиком зависит от ее невинности. То, что происходит в ее Первую ночь, определяет, станет ли она заниматься Ремеслом или же превратится в треснувший сосуд, бесконечно скорбящий о том, что потеряно навеки. Конечно, толика магии остается всегда – с ней можно существовать и даже показывать фокусы на приемах лордов, но этого слишком мало для Ремесла, бывшего для каждого из нас средоточием силы.

Но Дар можно вернуть – если, конечно, желающий готов заплатить за это.

В юности я боролась изо всех сил, не желая скатываться в Искаженное Королевство. Лучше уж оказаться сломленной, но сохранить разум, чем лишиться еще и этого последнего сокровища. Лучше уж видеть мир таким, какой он есть, и знать, что дерево – это дерево и цветы на нем – настоящие, чем смотреть сквозь дымчатую завесу на серые, призрачные силуэты и видеть лишь осколки самой себя.

Так я думала тогда.

Направляясь к низкому сиденью, я из последних сил удерживаюсь на краю Искаженного Королевства и в последний раз четко смотрю на реальный мир. Я осторожно ставлю деревянную раму, удерживающую спутанную паутину снов и видений, на маленький столик возле своей скамьи.

Лорды и леди ждут, когда я начну предсказывать их судьбы, и обычно я не обманываю ожиданий – мне помогает не магия, но умение видеть и слышать. Поэтому я всегда говорю то, что люди хотят знать.

Это просто. Никакой магии.

Но только не сегодня.

Уже много дней я слышу смутные, неясные отголоски грома – далекий зов. Прошлой ночью я поддалась безумию, чтобы вернуть свой дар и стать Черной Вдовой, ведьмой ковена Песочных Часов. Прошлой ночью я соткала новую паутину, чтобы узреть сны и видения.

Сегодня мне не придется гадать о чужих судьбах. У меня хватит силы, чтобы сказать это – но лишь однажды. И мне нужно быть уверенной в том, что те, кому предназначено услышать мои слова, окажутся здесь, прежде чем я начну говорить.

Я жду. Они ничего не замечают. Вновь и вновь наполняются бокалы, пока я из последних сил удерживаюсь на границе Искаженного Королевства.

А, вот и он. Деймон Сади из Края под названием Хейлль. Он красив, суров, жесток. Он обладает улыбкой обольстителя и телом, к которому хочется прикоснуться любой женщине,

но душа его наполнена холодной, непримиримой яростью. Когда леди обсуждают его разнообразные таланты, то чаще всего описывают ночь с ним как «мучительное удовольствие». У меня не было ни малейших сомнений в том, что садизм свойствен его натуре – наряду с умением смешивать боль и наслаждение в равных пропорциях. Однако ко мне Деймон всегда был добр, поэтому сегодня в моей власти озарить его жизнь лучиком надежды – так же, как псу кидают обглоданную кость. Это больше, чем кто-либо когда-нибудь стремился ему дать.

Лорды и леди понемногу теряли терпение. Обычно я не жду так долго, чтобы начать свое выступление. Волнение и раздражение нарастает, но я жду. После сегодняшней ночи ничто уже не будет иметь значения.

А вот и второй, в противоположном углу комнаты. Люцивар Яслана, эйрианец-полукровка из Края, называемого Аскави.

Хейлль не питает особой любви к Аскави, и эта неприязнь взаимна, но Деймон и Люцивар связаны друг с другом, хотя и сами не понимают почему. Это странная дружба. Они сражались в легендарных битвах, уничтожили столько дворов, что теперь люди Крови боятся видеть их вместе.

Я поднимаю руки, а затем безвольно опускаюсь на колени. Деймон наблюдает за мной. В его поведении ничего не меняется, но я знаю, что он ждет и слушает. И разумеется, Люцивар следует его примеру.

– Она идет.

Сначала собравшиеся даже не осознают, что я заговорила. Когда слова наконец достигают их сознания, поднимается вихрь сердитых выкриков.

– Тупая сука! – кричит кто-то из лордов. – Скажи мне лучше, с кем сегодня я окажусь в постели!

– Какое это имеет значение? – отвечаю я. – Она идет. Королевство Террилль будет разорвано на части собственной жадностью. Те, кто выживут, послужат ей, но выживут немногие.

Я начинаю скользить по краю пропасти. Слезы разочарования катятся по щекам. Еще рано. Святая Тьма, слишком рано. Я должна сказать все.

Деймон опускается рядом со мной на колени, накрывая мои руки своими. Я говорю только для него и с ним и, через него, с Люциваром.

– Кровь Террилля презрела старые пути и смеется над тем, что мы есть. – Я жестом указываю на тех, что правят сейчас. – Они извращают и искажают нашу суть, чтобы им было удобно. Носят маски, лицемерят. Они носят Камни Крови, но не понимают, что значит принадлежать к Крови. Они говорят, что чтят Тьму, но это ложь. Они не чтят ничего, кроме своих собственных амбиций. Люди Крови были созданы для того, чтобы стать хранителями Королевств. Поэтому нам была дана сила. Поэтому мы происходим и вместе с тем отделены навеки от простых людей, живущих в каждом Крае. Извращение, искажение того, что мы есть, больше не должно продолжаться. Наступит день, когда долг придется уплатить, и тогда Кровь ответит за то, во что превратилась.

– Терса, те, кто у власти, – тоже люди Крови, – грустно произнес Деймон. – Кто останется, чтобы вернуть этот долг? Ублюдки-рабы вроде меня?

Я скольжу вниз. Ногти впиваются в его ладони, но Деймон не отстраняется. Я понижаю голос. Теперь ему приходится напрягать слух, чтобы услышать мои слова.

– У Тьмы очень, очень долгое время был Князь. Но теперь грядет Королева. Могут пройти десятилетия, даже века, но она идет. – Я киваю в сторону лордов и леди, сидящих за столами. – К тому времени они обратятся в прах, но ты и эйрианец останетесь и будете служить ей.

Его золотистые глаза наполняются раздражением и разочарованием.

– Какая еще Королева? Кто идет?

– Живая легенда, – шепчу я. – Мечта во плоти.

Потрясение, на мгновение промелькнувшее на его лице, сменилось отчаянной, яростной жадностью.

– Ты уверена?

Комната превратилась в крутящийся вихрь теней. Теперь я четко видела только Деймона.

Он – единственное, что мне сейчас нужно.

– Я видела ее в спутанной паутине, Деймон. Я видела ее.

Я слишком устала, чтобы цепляться за реальный мир, но все равно отказываюсь отпустить его руки. Мне нужно сказать еще одну вещь.

– Эйрианец, Деймон.

Он бросает быстрый взгляд на Люцивара:

– А что насчет его?

– Это твой брат. Вы оба сыновья одного отца.

Я больше не могу сдерживаться и ныряю в безумие, которое зовется Искаженным Королевством. Я падаю, лечу в пропасть среди осколков собственной сущности. Мир вращается и трескается. В его частичках я вижу тех, кто некогда были моими Сестрами, идущих мимо столов, перепуганных и целеустремленных, и рука Деймона тянется вперед и, словно случайно, разбивает хрупкую раму моей спутанной паутины.

Невозможно заново сплести спутанную сеть. Черные Вдовы Террилля могут потратить на это многие годы, но все их попытки ни к чему не приведут. Это будет уже не та сеть, и никому не суждено увидеть то, что вижу я.

В сером мире надо мной я слышу, как захожусь в безумном смехе. Подо мной расступается пропасть, часть бескрайней Тьмы. Я снова слышу безумный хохот, полный радости и боли, гнева и торжества.

Грядет не просто еще одна ведьма, мои глупые Сестры, но Ведьма.

Часть первая

Глава 1

1. Террилль

Люцивар Яслана, эйрианец-полукровка, наблюдал за тем, как охранники тащат всхлипывающего мужчину к лодке. Он не чувствовал жалости к приговоренному человеку, лидеру подавленного восстания рабов. В Крае под названием Прууль сочувствие было роскошью, которую не мог себе позволить ни один подневольный человек.

Люцивар отказался участвовать в восстании. Предводители были хорошими людьми, но им не доставало силы, отваги – а то и просто мозгов, чтобы сделать то, что нужно. Вид крови не приносил им удовольствия.

Он не участвовал. Но Зуультах, Королева Прууля, наказала его вместе с остальными.

Тяжелые оковы на шее и запястьях уже стерли кожу до мяса, а спина пульсировала от ударов плетью. Он расправил свои темные, кожистые крылья, пытаясь облегчить боль.

Охранник тут же ткнул его дубинкой, а потом трусливо отступил, услышав злобное шипение.

В отличие от взглядов других рабов, неспособных скрыть отчаяние или страх, в золотистых глазах Люцивара не отражалось никаких чувств.

Охранники тем временем запикивали всхлипывающего человека в старую одноместную лодку. Она давно отплавала свое, и выходить в море на таком судне было бы безумием – в прогнивших бортах зияли дыры, которые в данном случае были весьма кстати.

Приговоренный был невысокого роста и выглядел полумертвым от голода. Но, несмотря на это, потребовались усилия шести охранников, чтобы запихнуть его в лодку. Один из них щедро размазал свиной жир по половым органам мужчины, а затем начал задвигать деревянную крышку. В ней имелись отверстия для головы и рук. Как только запястья пленника оказались надежно привязаны к железным кольцам на внешней стороне борта лодки, деревянная крышка со щелчком встала на место, и теперь только стражники могли убрать ее.

Один из них задумчиво изучил взглядом связанного и с притворным беспокойством покачал головой. Повернувшись к другим, он сказал:

– Эх, надо бы накормить его в последний раз перед отправлением.

Стражники рассмеялись. Пленник принялся звать на помощь.

Один за другим охранники принялись осторожно запикивать еду в рот несчастного, а затем загнали остальных рабов в сарай, служившие им жильем.

– Сегодня вам предстоит немного развлечься, парни! – со смехом крикнул один из стражников. – Вспомните о нем в следующий раз, когда решите самовольно оставить службу у леди Зуультах.

Люцивар оглянулся через плечо, но тут же отвел взгляд.

Привлеченные запахом еды, в зияющие на бортах лодки дыры проворно пробирались крысы.

Обреченный человек закричал.

Облака заслонили луну. Серые тучи скрыли ее свет. Мужчина в лодке не шевелился. Его колени сбиты в кровь – он колотил ими по крышке, тщетно пытаясь отогнать крыс. Голосовые связки сорваны от крика.

Люцивар опустился на колени за лодкой, двигаясь медленно и осторожно, чтобы приглушить звяканье цепей.

– Я не сказал им, Яси, – хрипло прошептал пленник. – Они пытались заставить меня говорить, но я не стал. По крайней мере, на это у меня еще хватило чести.

Люцивар поднес чашку к губам человека.

– Выпей, – прошептал он. Его голос сливался с привычными звуками ночи.

– Нет, – простонал тот. – Нет.

Несчастный снова начал плакать – из его сорванной глотки вырывались резкие, хриплые рыдания.

– Тише, тише. Это поможет. – Поддерживая одной рукой голову мужчины, Люцивар осторожно поднес чашку к распухшим губам пленника. Тот сделал два глотка, и эйрианец убрал сосуд, погладив голову мужчины кончиками пальцев. – Это поможет, – тихо повторил он.

– Я же Воин Крови. – Когда Люцивар снова поднес чашку к его губам, пленник покорно сделал еще один глоток. Его голос немного окреп, но слова стали путаться. – А ты Верховный Князь. Почему они так поступают с нами, Яси?

– Потому что у них нет чести. Потому что они уже не помнят, что значит быть человеком Крови. Власть Верховной Жрицы Хейллы – настоящая чума, которая уже много веков распространяется по Королевству, медленно пожирая каждый Край, которого коснется.

– Может, лэндены правы. Может, Кровь и есть Зло.

Люцивар по-прежнему легонько поглаживал виски пленника кончиками пальцев.

– Нет. Мы – то, что мы есть. Ни больше ни меньше. В каждом человеке есть и добро и зло. Просто зло сейчас правит нами всеми.

– А где же тогда добро? – сонно спросил мужчина.

Люцивар поцеловал его в макушку.

– Либо уничтожено, либо поработано. – С этими словами он вновь поднес чашку к губам обреченного человека. – Допивай, Брат, и все закончится.

Когда тот сделал последний глоток, Люцивар прибег к Дару, чтобы заставить чашку исчезнуть.

Мужчина в лодке хрипло рассмеялся:

– Я чувствую себя очень храбрым, Яси.

– Ты и впрямь очень храбр.

– Крысы... У меня теперь нет яиц.

– Я знаю.

– Я плакал, Яси. Плакал перед ними.

– Это не имеет значения.

– Я – Воин Крови. Я не должен был плакать.

– Ты ничего не сказал. Храбрость не покинула тебя.

– Зуультах все равно убила остальных.

– Она заплатит за это, младший Брат. Однажды она и остальные вроде нее заплатят за все. – Люцивар мягко помассировал шею человека.

– Яси, я...

Движение было резким, и хруст вспорол ночную тишь.

Люцивар бережно опустил обмякшую голову и медленно поднялся на ноги. Он должен был сказать им, что план не сработает, что Кольцо Повиновения можно настроить так, что владелец почувствует любое проявление целеустремленности и своеволия. Он мог сказать, что ростки зла, держащие их в рабстве, давно укоренились и распространились слишком далеко, что принести свободу может лишь крайняя жестокость, на которую не способен ни один человек. Он мог сказать, что существуют и более мучительные способы, нежели Кольцо, чтобы заставить раба повиноваться, что их беспокойство друг за друга приведет к гибели всех, что

единственный способ обрести свободу и бежать (пусть и ненадолго) – не заботиться ни о ком, кроме себя.

Он мог сказать им все это.

И все же, когда они робко, осторожно впервые подошли к нему, желая получить совет человека, который вырывался на свободу вновь и вновь на протяжении веков, но по-прежнему носил оковы, Люцивар сказал лишь одно:

– Пожертвуйте всем.

Они ушли, разочарованные, неспособные понять, что совет был дан всерьез. Нужно жертвовать всем. Однако была одна вещь, которой сам Люцивар пожертвовать не мог. И не стал бы.

Сколько раз он поддавался вновь и вновь, позволяя связать себя этим жестоким кольцом, надевавшимся на мужской орган, и сколько раз Деймон, обнаружив друга и пришпилив к стене, называл его дураком и трусом за очередную неудачу?

Лжец. Изворотливый, привыкший к дворцовым интригам лжец.

Как-то раз госпожа Доротея Са-Дьябло отчаянно пыталась отыскать Деймона Сади после того, как выяснилось, что ее раба для утех нет ни при одном дворе. На его поиски ушло сто лет, две тысячи Предводителей пали, пытаясь взять его в плен. Он мог бы использовать небольшой, полудикий Край, который захватил, и завоевать пол-Террилля, мог бы стать ощутимой угрозой власти Хейллы. Вместо этого Деймон прочел письмо, которое Доротея отправила с одним из своих гонцов. Прочел его – и сдался.

В письме говорилось лишь это: «Сдайся до новолуния. После этого каждый день, потраченный на розыски, будет стоить твоему брату какой-нибудь части тела – в расплату за твое высокомерие».

Люцивар вздрогнул, пытаясь отогнать непрошенные мысли. В каком-то смысле воспоминания еще хуже ударов плетью, поскольку они неизбежно вели к образу Аскави с горными вершинами, вспарывающими небо, и долинами, где раскинулись города, фермы и леса. Сейчас, правда, этот Край уже далеко не так плодороден, и неудивительно: слишком долго его вывозрачивали наизнанку и использовали те, кто привык брать, ничего не давая взамен. И все же там его дом, и века изгнания, проведенные в рабстве, принесли только тупую боль и тоску по чистому горному воздуху, вкусу сладковатой ледяной воды, тишине вековых лесов и, больше всего, горным кручам, где реяли в воздухе эйрианцы.

Но Люцивар находился в Прууле, на жарком, песчаном пустыре, в услужении у этой суки Зуультах, потому что не сумел скрыть отвращение к Притиан, Верховной Жрице Аскави. Не сумел усмирить свой вздорный нрав, чтобы служить ведьмам, которых презирал.

Среди людей Крови мужчины должны были служить, а не править. Он никогда не бросал вызов заведенным порядкам, несмотря на то что за прошедшие века убил немало ведьм. Он уничтожал их потому, что служить им было настоящим оскорблением – он ведь был Верховным Князем эйрианцев, носившим Эбеново-серый Камень, а потому не желал верить, будто служение и раболепие – одно и то же. Будучи бастардом, полукровкой, Люцивар не имел ни малейшей надежды однажды получить важный пост при дворе, несмотря на высокую ступень его Камня. Будучи прекрасно обученным эйрианским воином и обладая слишком несдержанным нравом – даже для Верховного Князя, он окончательно утратил надежду на то, чтобы жить вне оков того или иного двора.

И его поймали в силки, как ловили всех мужчин Крови. В них было заложено нечто, заставлявшее страстно желать службы, что побуждало связывать себя, так или иначе, с женщиной Крови, носящей Камни.

Люцивар неловко дернул плечом и со свистом втянул воздух сквозь зубы. Снова открылась едва зажившая рана, оставшаяся от удара плетью. Он коснулся ее, и пальцы окрасились свежей кровью.

Эйрианец оскалил зубы в горькой ухмылке. Что там гласит старая поговорка? Желание, омытое кровью, – это молитва самой Тьме.

Он закрыл глаза, простер руку к ночному небу и устремился вовнутрь, спускаясь в бездну своего сознания к тому уровню, где покоились Эбеново-серые Камни. Тогда произнесенное желание будет принадлежать только ему и останется тайной – никто из придворных Зуультах не сумеет прочесть эту мысль.

Однажды – когда-нибудь – я хотел бы служить Королеве, которую смогу уважать, которой смогу верить до конца. Сильной Королеве, которую не будет пугать моя мощь. Королеве, которую я смогу называть не только своей госпожой, но и другом.

Суховато посмеявшись над собственной глупостью, Люцивар вытер окровавленную руку о мешковатые хлопковые штаны и вздохнул. Какая жалость, что предсказание, сделанное Терсой семьсот лет назад, оказалось лишь бредом безумной женщины. На время оно подарило ему надежду. Потребовалось слишком много дней и лет, чтобы осознать: это очень горькое чувство.

«Кто здесь?»

Люцивар быстро повернулся к хлевам, где держали рабов. Уже скоро стражники выйдут на очередной обход. Еще одну минуту он будет наслаждаться ночным воздухом – пусть даже слишком жарким и пыльным, – а потом покорно вернется в свою вонючую клетку с постелью из грязной соломы, кишашей паразитами, вернется к запаху страха, немых тел и человеческих нечистот.

«Кто здесь?»

Люцивар медленно обернулся, насторожившись и пытаясь силой своего разума отыскать спрашивавшего. Мысленную речь можно направлять всем присутствующим – это то же самое, как, например, громко закричать в переполненной людьми комнате, – или же сузить до определенной ступени Камня, или пола, или вообще сделать получателем сообщения один конкретный разум. Похоже, эта мысль была предназначена только для Люцивара.

Ничего нового он не увидел. Что бы это ни было, теперь оно исчезло.

Люцивар покачал головой. Он становится таким же трусливым, как лэндены, не принадлежащие к Крови, – жалкие создания любой расы, скованные суевериями о том, что в ночи рыскает зло.

«Ты меня слышишь?»

Люцивар резко развернулся, взмахнув крыльями, чтобы сохранить равновесие, и невольно принял боевую стойку.

И почувствовал себя круглым дураком, увидев девочку, глядящую на него расширенными глазами.

Она была совсем худенькой и маленькой – не старше семи лет. Слово «простушка» такая девчушка должна воспринимать как комплимент. Однако даже в лунном свете ее глаза невольно завораживали. Они напомнили Люцивару небо в сумерках и глубокие горные озера. На девочке было хорошее, дорогое платье – в любом случае лучше тех, что носят нищенки или попрошайки. Золотистые волосы тщательно и заботливо уложены – собраны наверху в пучок. Короткие кудряшки обрамляли личико с острыми чертами и смотрелись довольно нелепо.

– Что ты здесь делаешь? – грубо спросил Люцивар.

Девочка переплела пальцы и сгорбилась.

– Я... я слышала тебя. Ты просил о друге.

– Ты слышала меня?! – Люцивар уставился на девочку. Как, во имя Ада, она могла услышать его? Да, он действительно выпустил на волю это желание, но только на Эбеново-серой нити. Кроме Люцивара, этот Камень в Террилле не носил никто. Единственный Камень темнее его – это Черный, а его обладателем в Королевстве был только один человек – Деймон Сади. Если только...

Нет. Не может быть.

В это мгновение девочка перевела взгляд с него на мертвое тело в лодке, а потом вновь посмотрела на Люцивара.

– Мне нужно идти, – прошептала она.

– Вовсе нет. – Он направился к ней, мягко ступая, как хищник, отслеживающий добычу. Девочка со всех ног помчалась прочь.

Люцивар нагнал ее через несколько секунд, не обращая внимания на яростно звякающие оковы. Перекинув цепь через девчонку, он схватил ее за талию и поднял в воздух, зарывав, когда та пнула его в колено. Эйрианец проигнорировал ее яростные попытки оцарапать его, а удары, хотя и оставляли синяки, были все же не настолько эффективны, как хороший пинок в нужное место. Когда малышка начала кричать, он зажал ей рот ладонью.

Та немедленно впиалась зубами ему в палец.

Люцивар с трудом удержался от вопля и только выругался себе под нос. Опустившись на колени и потянув девчонку за собой, он яростно шепнул:

– Тихо ты. Что, хочешь стражу накликаешь? – Возможно, именно этого она и добивалась. Люцивар ожидал, что она начнет вырываться с удвоенной энергией, зная, что помощь неподалеку.

Вместо этого девочка замерла.

Люцивар прижался к ее щеке своей и тяжело вздохнул.

– Ах ты, маленькая дрянная кошка! – тихо произнес он, пытаясь удержаться от смеха.

– Зачем ты его убил?

Ему показалось или ее голос действительно изменился? Теперь в его детском звучании слились гром, эхо пещер и полуночное небо.

– Он страдал.

– Разве ты не мог отвести его к Целительнице?

– Целительницы не занимаются рабами, – рявкнул тот в ответ. – К тому же после крыс исцелять там особо нечего. – Он крепче прижал девчонку к груди, надеясь, что она немного согреется и перестанет дрожать. На фоне его загорелых рук малышка выглядела совсем бледной, и Люцивар знал, что дело не только в цвете ее кожи. – Прости. Это было слишком жестоко.

Когда она вновь попыталась освободиться, эйрианец поднял руки, позволяя девчонке проскользнуть под цепью кандалов. Она тут же отскочила подальше, обернулась и упала на колени.

Они посмотрели друг на друга.

– Как тебя зовут? – наконец спросила девочка.

– Меня называют Яси. – Люцивар рассмеялся, когда малышка сморщила нос. – И не надо так на меня смотреть, я тут ни при чем. Выбирал не сам.

– Это очень глупое имя для человека вроде тебя. Как тебя зовут на самом деле?

Люцивар ответил не сразу. Эйрианцы были в числе рас-долгожителей. Он сам приобрел репутацию жестокого, яростного и порочного человека за тысячу семьсот лет. Если она слышала что-то о нем...

Он глубоко вздохнул и медленно ответил:

– Люцивар Яслана.

Никакой реакции, если не считать застенчивой улыбки.

– А тебя как зовут, Кошка?

– Джанелль.

Он усмехнулся:

– Хорошее имя. Правда, мне кажется, Кошка тебе тоже замечательно подходит.

Она фыркнула.

– Вот видишь? – Люцивар заколебался, понимая, что должен задать этот вопрос. Одно дело, если Зуультах будет только догадываться, что именно он убил человека в лодке, и совсем другое – если узнает наверняка, тогда его растянут между столбами для порки плетью. – Твоя семья сейчас гостит у леди Зуультах?

Джанелль нахмурилась:

– У кого?

Ей-богу, она сейчас и впрямь походила на котенка, который присматривается к огромному прыгучему жуку.

– У Зуультах. Королевы Прууля.

– А что такое Прууль?

– Это Прууль. – Люцивар обвел рукой вокруг, показывая, что имеет в виду страну, а потом выругался по-эйриански – цепи громко звякнули. Последнее проклятие он с усилием проглотил, заметив напряженное и вместе с тем заинтересованное выражение маленького личика. – Раз уж ты не из Прууля и твоя семья – не гости королевы, так откуда ты? – Девочка ответила не сразу, и Люцивар кивнул в сторону лодки. – Я умею хранить секреты.

– Я из Шэйллота.

– Шэйл... – Люцивар прикусил язык, с трудом удержавшись от новой порции ругани. – Ты знаешь эйрианский?

– Нет, – усмехнулась Джанелль. – Но теперь я знаю некоторые эйрианские слова.

И что теперь – рассмеяться или придушить ее?

– Как ты здесь оказалась?

Девчонка взъерошила волосы и нахмурилась, глядя на каменистую землю. Наконец она пожала плечами:

– Точно так же, как попадаю в другие места.

– Ты едешь на Ветрах?! – задохнулся он.

Девочка подняла было палец, пытаясь определить, откуда дует ветер.

– Да я не об этих бессмысленных колебаниях воздуха! – Люцивар заскрипел зубами. – Я говорю о Ветрах. О Сетях. Паутинах. О бестелесных путях во Тьме.

Джанелль быстро вскинула голову:

– Они что, так называются?

Эйрианец сумел остановиться, произнеся только половину ругательства.

Девочка наклонилась вперед:

– Скажи, ты всегда такой колючий?

– Большинство считают, что я настоящая заноза в заднице.

– А что это значит?

– Не важно. – Люцивар отыскал камешек поострее и начертил на земле круг. – Смотри, это Королевство Террилль. – Он положил в центр круглый камешек. – Это Черная Гора, Эбеновый Аскави, где встречаются Ветра. – От круглого камня он прочертил несколько прямых линий к окружности. – Это пределы. – Потом он нарисовал вокруг центра несколько кругов побольше. – А вот эти линии называются радиальными. Видишь, Ветра похожи на паутину. Можно путешествовать либо по пределам, либо по радиалам, меняя направление там, где они пересекаются. Для каждой ступени Камней Крови есть своя Паутина. Чем она темнее, тем больше она вмещает пределов и радиалов и, соответственно, тем быстрее Ветер. Можно путешествовать по Сети, принадлежащей твоей ступени, и пользоваться любой из более светлых. Нельзя оседлать Ветер в Сети темнее, чем твой Камень, если только ты не едешь в Экипаже, ведомом кем-то посильнее, или же тебя не укрывает тот, кто имеет право Крови. Если попытаешься, то, скорее всего, не выживешь. Это ясно?

Джанелль прикусила нижнюю губу и указала на один из пробелов между линиями:

– А что, если я хочу попасть сюда?

Люцивар покачал головой:

– Тогда придется выпасть из Паутины, вернуться в Королевство на ближайшем перекрестке и путешествовать каким-нибудь другим способом.

– Но ведь сюда я попала по-другому! – возразила она.

Люцивар содрогнулся. Земли Зуультах не пересекала ни одна нить Сети. Ее двор как раз и был одним из пустых квадратов. Единственный способ попасть сюда непосредственно с помощью Ветров – это оставить Сеть и вслепую скользить через Тьму, что даже для сильнейших и лучших было рискованно. Если только...

– Подойди-ка сюда, Кошка, – тихо попросил он. Когда девочка шагнула к нему, Люцивар положил руки на ее тоненькие плечи. – Ты часто отправляешься в странствия?

Джанелль медленно кивнула:

– Люди зовут меня. Как ты сегодня.

Как он. Мать-Ночь!

– Кошка, послушай меня. Дети подвергаются множеству опасностей.

В ее глазах появилось странное выражение.

– Да, я знаю.

– Иногда враг может прятаться за маской друга до последнего момента, когда убежать будет слишком поздно.

– Да, – шепнула она.

Люцивар легонько встряхнул девочку, заставляя ее посмотреть ему в глаза.

– Террилль – очень опасное место для маленьких Кошечек. Прошу тебя, возвращайся домой и больше не странствуй. Не... не отвечай людям, которые зовут тебя.

– Но тогда я тебя больше не увижу!

Люцивар закрыл глаза. Нож, вонзенный в сердце, не причинил бы такой боли.

– Я знаю. Но мы всегда будем друзьями. К тому же наша разлука не будет вечной. Когда ты вырастешь, я отыщу тебя – или ты найдешь меня.

Джанелль задумчиво пожевала нижнюю губу.

– А когда я вырасту?

Завтра. Или вчера.

– Скажем, когда тебе будет семнадцать. Да, такой срок кажется целой вечностью, но, поверь мне, это не так уж долго. – Даже Сади не смог бы соврать более гладко. – Ты пообещаешь мне больше не отправляться в путешествия?

Джанелль вздохнула:

– Я обещаю больше не странствовать по Терриллю.

Люцивар поднял девочку на ноги и развернул спиной к себе.

– Прежде чем ты уйдешь, я хочу кое-чему тебя научить. Это поможет, если кто-то попытается схватить тебя сзади.

Когда они повторили прием достаточное количество раз и Люцивар убедился, что девочка запомнила его, он поцеловал ее в лоб и сделал шаг назад.

– Уходи отсюда. Охранники в любую минуту могут начать обход. И помни – Королева никогда не нарушает обещания, данного Верховному Князю.

– Я не забуду этого. – Она помолчала. – Люцивар, но ведь когда я вырасту, то буду выглядеть совсем по-другому. Как ты узнаешь меня?

Эйрианец только улыбнулся. Десять или сто лет пройдет – какая разница? Он всегда сможет узнать эти удивительные сапфировые глаза.

– Я узнаю тебя. Прощай, Кошка. Да хранит тебя Тьма.

Джанелль улыбнулась ему и исчезла.

Люцивар уставился на пустое место, где только что стояла девочка. Было глупо добавлять последнее пожелание. Наверное.

Скрежет ворот привлек его внимание. Эйрианец быстро стер следы волнения Ветров и, скользя в тених, добрался до хлева. Едва он успел пройти сквозь внешнюю стену и добраться до своей каморки, как стражник распахнул зарешеченное окошко в двери.

Зуультах была достаточно высокомерна, чтобы считать, будто ее сдерживающие заклятия способны помешать рабам использовать Ремесло и проходить сквозь стены камер. Преодолеть заговоренную стену было неприятно, но не невозможно. По крайней мере, для него.

Что ж, пусть эта стерва гадает, кто постарался. Когда стражники обнаружат мертвого раба в лодке, она заподозрит, что именно Люцивар свернул ему шею. Она подозревала его абсолютно во всем, что шло не так при ее дворе, – и не без причины.

Может, он даже окажет сопротивление, когда стражники попытаются распять его между столбами для порки. Яростная драка отвлечет Зуультах, и запахи ярости и гнева скроют едва уловимое присутствие девчонки.

О да, он сможет отвлечь внимание леди Зуультах, да так успешно, что та *никогда* не поймет, что теперь по Королевству ходит Ведьма.

2. Террилль

Леди Марис повернула голову к большому вертикальному зеркалу:

– Теперь ты можешь идти.

Деймон Сади выскользнул из постели и начал одеваться – медленно, соблазнительно, прекрасно понимая, что она наблюдает за ним в зеркале. Эта женщина всегда смотрела в зеркало, когда он ее обслуживал. Возможно, своеобразный самовуайеризм? Или она таким образом пыталась убедить себя в том, что мужчина, отраженный в зеркале, действительно влюблен и ее оргазм возбуждает его еще сильнее?

Глупая сука.

Марис потянулась и удовлетворенно вздохнула.

– Ты напоминаешь мне дикого кота, с шелковистой шкуркой и перекачивающимися мышцами.

Деймон натянул белую шелковую рубашку. Дикий хищник? Описание довольно-таки верное, надо признать. Если эта идиотка когда-нибудь истощит своим поведением довольно ограниченные лимиты его терпения по отношению к женскому полу, он с радостью покажет свои коготки. В особенности один маленький.

Марис снова вздохнула:

– Ты так красив...

Да, это верно. Его лицо было подарком со стороны таинственного отца, с аристократическими, мужественными чертами. Слово «симпатичный» было слишком мягким. Деймон был высоким и широкоплечим, следил за собой и поддерживал прекрасную форму. Глубокий и вкрадчивый голос с чувственной хрипотцой заставлял женщин смотреть на его обладателя голодными глазами. Яркие светло-янтарные глаза и густые черные волосы были типичными для всех трех долгоживущих рас Террилля, но кожа теплого, золотисто-коричневого оттенка была на тон светлее, чем у хейллианских аристократов, и, вероятно, говорила о примеси демланской крови.

Его тело было оружием, а свое оружие Деймон предпочитал держать в прекрасном состоянии.

Он едва уловимым движением плеч надел черную куртку. Даже одежда была оружием – от довольно откровенного белья до прекрасно скроенных точно по фигуре костюмов. Как нектар, приманивавший мотыльков к опасному пламени.

Обмахиваясь рукой, Марис смотрела прямо на него.

– Даже в такую погоду с твоего тела не упало ни капли пота.

Это весьма походило на жалобу.

Деймон насмешливо улыбнулся:

– С чего бы?

Марис села, прикрывшись простыней.

– Ты жестокий, бесчувственный ублюдок.

Деймон поднял прекрасно очерченную бровь:

– Считаешь меня жестоким? Конечно, ты совершенно права. Я настоящий эксперт в этой сфере.

– И гордишься этим, не так ли? – Марис сморгнула слезы. Ее лицо напряглось, и все морщины, свидетельствующие о свойственной характеру женщины раздражительности, стали гораздо заметнее. – Все, что мне рассказывали о тебе, – правда. Даже это. – С этими словами она жестом указала на его пах.

– «Это»? – издевательски поинтересовался он, прекрасно понимая, что именно его нынешняя любовница имеет в виду. Она, как и любая другая женщина, могла бы простить мужчине любую жестокость, если бы ей удалось возбудить его и вызвать эрекцию.

– Ты не настоящий мужчина. И никогда им не был.

– Ах вот что. Здесь ты тоже совершенно права. – Деймон плавным движением засунул руки в карманы брюк. – Лично я всегда считал, что эту проблему вызывает Кольцо Повиновения. – Вновь вернулась холодная, издевательская улыбка. – Если, конечно, ты бы рискнула его снять...

Марис так побледнела, что Деймон невольно задумался, не потеряет ли она сознание. Он сомневался в том, что Марис решит проверить эту теорию и действительно снимет кольцо, сжимавшее его мужской орган. Это и к лучшему. Она не проживет и минуты, если он окажется на свободе.

Правда, большинство ведьм, которым ему довелось служить, в любом случае плохо кончили...

Деймон изогнул губы в своей холодной, грубой, жестокой ухмылке и устроился на постели рядом с женщиной.

– Значит, ты считаешь, что я жесток.

Глаза Марис уже разгорелись – мужчина уверенно опутывал ее невидимыми нитями сладострастия.

– Да, – прошептала она, пристально глядя на его губы.

Деймон наклонился вперед. Его изрядно позабавила та готовность, с которой женщина подставила ему губы для поцелуя. Их языки слились в голодном танце, дразня и играя, и, когда Деймон наконец поднял голову, Марис попыталась притянуть его к себе.

– Ты действительно хочешь узнать, почему на моем теле нет ни капли пота? – вкрадчиво спросил он.

Женщина ответила не сразу. Похоть боролась в ней с любопытством.

– Допустим. Так почему?

Деймон улыбнулся:

– Потому что, дорогая моя леди Марис, ваш так называемый интеллект вызывает во мне смертную скуку, а тело, которое вы считаете таким совершенным, а потому выставляете напоказ при каждом удобном и неудобном случае, не прельстило бы даже воронов, слетающих на падаль.

Ее нижняя губа жалко задрожала.

– Т-ты эгоистичный ублюдок, садист.

Деймон поднялся с постели.

– Откуда ты знаешь? – мило поинтересовался он. – Игра ведь еще даже не началась.

– Убирайся отсюда! Пошел вон!

Он поспешно покинул спальню, но не отказал себе в удовольствии подождать немного за дверью. Отчаянные рыдания Марис составили прекрасный контраст его издевательскому смеху.

Легкий ветер взъерошил волосы Деймона, когда он направился по дорожке, усыпанной гравием, в дальние сады. Он вытащил из золотого портсигара тонкую черную сигарету, зажег ее и выдохнул, глядя, как дым струйкой медленно выходит изо рта и ноздрей, сжигая вонь тела Марис.

В ее спальне погас свет.

Глупая сучка. Она не имела ни малейшего понятия, в какую игру ввязалась. Точнее, не понимала, какую игру вел *он*. Деймону исполнилось уже тысяча семьсот лет, он достиг расцвета своих сил и способностей. Кольцом Повиновения, которое носил мужчина, управляла Доротея Са-Дьябло, Верховная Жрица Хейлля, – столько, сколько он себя помнил. Деймон был воспитан при этом дворе как бастард, сын ее кузины, получил прекрасное образование и научился служить Черным Вдовам Хейлля. Точнее, он достаточно хорошо умел пользоваться Ремеслом, чтобы служить сучкам ведьмам именно так, как они того хотели. Деймон сменил не одну тысячу постелей, когда народ Марис только начал строить города. Он уничтожал куда более умелых и сильных ведьм, чем эта, и ее тоже мог погубить с легкостью. Он поверг в прах не один двор, принес разрушение во многие города и развязал энное количество незначительных местных войн – просто так, из мести за игры в спальне.

Доротея наказывала его, причиняла боль и продавала в услужение не одной Королеве, но, в конце концов, Марис и ей подобные были лишь расходным материалом. А он – нет. Доротея и другие Черные Вдовы Хейлля заплатили слишком дорого за его создание и, что бы они ни придумали тогда, повторить это не смогли бы.

Кровь Хейлля угасала. В его поколении лишь очень и очень немногие носили темные Камни – впрочем, это и неудивительно, ведь Доротея приложила столько усилий, чтобы убрать сильнейших ведьм, которые могли бы потягаться с ней за власть после того, как она стала Верховной Жрицей. Ее соратники вошли в Сто Семейств Хейлля, но это были в основном ведьмы, носившие светлые Камни и не имевшие никакого значения в обществе, и женщины Крови, способные лишь на одно – спариться с мужчиной Крови и выносить здорового ребенка.

Поэтому теперь Доротее было необходимо создать темную линию Крови, которая сольется с ее Сестрами – Черными Вдовами. Поэтому, хотя она не без удовольствия унижала и терзала Деймона Сади, убивать его было нельзя – ей нужно было его семя, посаженное добровольно в тела ее Сестер. Доротея использовала дур вроде Марис, надеясь измотать его до такой степени, чтобы он наконец покорился судьбе. Но Деймон никогда не отступал ни перед кем и ни перед чем.

Семь столетий тому назад Терса сказала ему, что грядет живая легенда. Семь веков ожидания, наблюдения, поисков, надежды. Семьсот изматывающих, тяжелых лет. Он отказывался сдаваться, не желал подвергать слова предсказательницы сомнению, потому что его сердце упрямо тянулось к этому странному, загадочному, пугающему созданию, называемому Ведьмой.

В глубине души он уже знал ее. Деймон часто грезил о ней. Однако он никогда не видел лица. Оно оставалось смутным, неясным и расплывалось окончательно, стоило только попытаться сосредоточить на нем взгляд. Но он видел женщину, одетую в халат, сшитый из темного, прозрачного паучьего шелка, соскальзывающий то и дело с ее плеч, то приоткрывая, то вновь пряча обнаженную, прохладную, как ночь, кожу. И запах в комнате, ее запах, с которым он будет просыпаться, зарывшись лицом в подушку, когда женщина уже поднялась и занялась своими делами...

Это была не просто страсть – огонь, горевший в его теле, бледнел по сравнению с гармоничным единением разумов, хотя, разумеется, физическое удовольствие оставалось немаловажным. Деймон хотел прикоснуться к ней, ощутить гладкость кожи, почувствовать вкус ее нежного тепла. Он хотел ласкать эту женщину до тех пор, пока они оба не начнут гореть от страсти. Мечтал сплести ее жизнь со своей так крепко, что невозможно будет определить, где началась одна и закончилась другая. Деймон хотел обнимать ее, даря силу и поддержку, и чувствовать себя защищенным, обладать ею и знать, что им обладают, взять над ней верх и сдаться перед ее чарами. Ему была нужна эта Другая, он хотел ее, тень, пронесшуюся через его жизнь, наполнявшую болью и желанием каждый его вдох, пока он, спотыкаясь, пробирался через постели ничтожных женщин, которые были для него пустышками – и никогда не смогли бы стать ничем иным.

Проще говоря, Деймон верил, что ему было предназначено судьбой стать ее любовником.

Он зажег еще одну сигарету и согнул безымянный палец на правой руке. Змеиный зуб плавно выскользнул из своего укрытия и замер на внутренней стороне длинного, выкрашенного в черный цвет ногтя. Мужчина улыбнулся. Марис интересовалась, есть ли у него когти? Пожалуй, это милое дополнение произвело бы на нее сильное впечатление. Увы, ненадолго, поскольку яд в мешочке под ногтем безымянного пальца был чрезвычайно действенным.

Деймону повезло, что он достиг половой зрелости позже большинства хейллианцев. Помимо обычных для взросления перемен у него появился и змеиный зуб, ввергнувший его в шоковое состояние – Деймон был искренне убежден, что мужчина не может принадлежать к Черным Вдовам от рождения. Тогда он служил при дворе, где среди мужчин считалось модным носить длинные ногти и красить их. Когда Деймон перенял местные обычаи, это никому не показалось странным, и до сих пор ни один человек не поинтересовался, почему он не изменил старой привычке со временем.

Даже Доротее. Поскольку ведьмы ковена Песочных Часов специализировались на ядах и темных сторонах Ремесла, а заодно на снах и видениях, Деймон всегда считал довольно странным, что хозяйка так и не догадалась, что он собой представляет. Не было нужды гадать, что бы она сделала в противном случае. Как минимум попыталась бы изуродовать его до неузнаваемости. Возможно, если бы это произошло до того, как он принес Жертву Тьме, дабы определить свою истинную силу, то есть пока Деймон еще носил Красный Камень, данный ему по Праву рождения,

Доротее бы это удалось. Если же она предпримет такую попытку теперь (и даже если на сторону хозяйки встанет весь ковен, поделившись своей силой), то дорого поплатится за это. Даже с Кольцом Повиновения Верховный Князь, носящий Черный Камень, будет весьма грозным противником для Жрицы с Красным.

Именно поэтому теперь их тропки так редко пересекались, и Доротее старалась отправить раба для утех подальше от Хейллы и своего собственного двора. У Верховной Жрицы остался лишь один козырь, чтобы держать Деймона в узде, и они оба прекрасно это понимали. Если бы от его покорности не зависела жизнь сводного брата, то даже боль, причиняемая Кольцом Повиновения, не остановила бы Деймона. Люцивар... и «дикая» карта, которую Терса ввела в игру показного подчинения и псевдоконтроля. Доротее не знала об этом новом джокере, который однажды положит конец ее власти в Террилле.

Некогда Кровь правила достойно и справедливо. Ее представители в Округе присматривали и разрешали по совести дела лэнденов в деревнях, находящихся в ведении их поселка. Королевы Округов служили двору Королевы Провинции. Те же, в свою очередь, подчинялись Королеве Края, которая избиралась большинством представителей Крови обоих полов, носящих темные Камни, как сильнейшая и лучшая из всех.

В те времена не было никакой потребности в Кольцах, чтобы контролировать мужчин, наделенных силой. Они следовали зову сердец, идя за Королевой, которую считали подходящей для себя. Они добровольно вручали ей свою жизнь. И служили свободно.

В те времена сложный треугольник статуса человека Крови не опирался так сильно на социальное положение. Ступень Камня и каста играли точно такую же роль, если не большую. Соответственно, и власть в обществе была гибкой, как быстрый танец, в котором ведущий менялся очень часто и зависел от остальных партнеров. Но в средоточии этой пляски всегда была Королева.

В этом заключались одновременно и гениальность, и крупный просчет Доротеи. В отсутствие сильной Королевы, способной остановить ее продвижение к власти, она ожидала, что мужчины присягнут ей, Жрице, точно так же, как присягали Королеве. Но этого не произошло. Поэтому начался новый этап зачисток – и к тому времени, как он завершился, в руках Доротеи оказалось опаснейшее оружие – сбитые с толку, перепуганные мужчины разных рас, лишавшие любую более слабую женщину ее колдовских сил, чтобы почувствовать себя сильнее, и несчастные женщины, спешившие Окольцевать потенциально сильных мужчин до того, как они успеют превратиться в серьезную угрозу.

Результатом стало все глубже укореняющееся извращение общества Крови, и Доротея, занявшая центральное место в этом круговороте, превратилась одновременно и в главное оружие разрушения, и в единственный источник безопасности.

А потом эта зараза распространилась в другие Края. Он видел прочие земли, видел, как медленно ломаются народы, сокрушенные безжалостным, разлагающим давлением Хейллы, вкрадчиво прокладывающим путь к извращению самой сущности людей Крови. Он видел, как потенциально сильных Королев слишком рано лишали девственности и Первая ночь оставляла их сломанными и ничего не стоящими.

Он видел все это и горячо оплакивал каждую потерю, чувствуя одновременно ярость и раздражение оттого, что мог сделать так мало, чтобы предотвратить это. У бастарда нет никакого влияния в обществе. У раба такового еще меньше, к какой бы касте он ни принадлежал по Праву рождения и какой бы Камень ни носил. Поэтому в то время, как Доротея вела свою игру, добиваясь власти, Деймон старательно плел сеть интриг. Она уничтожала Кровь, противостоявшую ей. Он уничтожал Кровь, последовавшую за ней.

В итоге выиграет Верховная Жрица. Деймон знал это. Осталось очень немного Краев, на которые еще не пала тень разложения. Аскави лег под Хейллу много веков назад. Демлан остался единственным Краем в восточной части Королевства, который из последних сил боролся с разросшимся влиянием Верховной Жрицы и пока оставался свободным. И на западе еще сохранилась жалкая горстка незначительных стран, избежавших западни.

Еще сто лет, двести от силы – и Доротея достигнет своей цели. Тень Хейллы накроет все Королевство, и она станет *единственной* Верховной Жрицей, единовластной правительницей Террилля, который некогда называли Королевством Света.

Деймон магией уничтожил сигарету и застегнул рубашку. Ему еще нужно ублажить Мариссу, дочь Марис, прежде чем наконец можно будет отправиться спать.

Он не прошел и нескольких шагов, как почувствовал прикосновение чужого разума, требующего уделить ему внимание. Деймон отвернулся от дома и последовал за мысленным зовом. Он уже знал, кого сейчас увидит, – не узнать этот специфический запах спутанных мыслей и несвязных образов было просто невозможно.

Только вот что она здесь делает?

Подергивание прекратилось, когда Деймон достиг небольшого леса в дальнем конце садов.

– Терса? – тихо позвал мужчину.

Кусты неподалеку зашуршали, и в его запястье вцепилась костлявая рука.

– Сюда, – прошептала Терса, таща его за собой по тропинке. – Паутина слишком хрупка и непрочна...

– Терса... – Деймону почти удалось увернуться от низко висящей ветки, но она все-таки хлестнула его по лицу и зацепилась за рукав. – Терса...

– Тише, мальчик, – сурово оборвала его женщина, таща Деймона за собой.

Тогда он сосредоточился на том, чтобы избегать веток и не спотыкаться о корни деревьев. Стиснув зубы, мужчина заставил себя не обращать внимания на потрепанное, изорванное платье, едва прикрывавшее ее костлявое тело. По всей видимости, Терса голодала. Дитя Искаженного Королевства, она обезумела, видя мир через призму серой, призрачной завесы, через осколки того, чем когда-то была. Опыт подсказывал, что, когда Терса сосредоточивалась на плетении своих видений, бесполезно напоминать ей о столь приземленных вещах, как еда, одежда или теплая постель.

Они достигли небольшой опушки, где плоская каменная плита покоилась на двух других, установленных вертикально. Деймон на мгновение задумался о том, было ли это творением природы, или же Терса устроила здесь небольшой алтарь.

Плита оказалась пустой, если не считать деревянной рамы, удерживавшей спутанную паутину Черной Вдовы. Деймон, почувствовав себя весьма неуютно, потер запястья и приготовился ждать.

– Смотри, – приказала Терса. Она щелкнула ногтем большого пальца левой руки по ногтю указательного, и над тем показался острый кончик. Затем Терса уколола средний палец на правой руке и капнула кровью на каждую из четырех основных нитей, удерживавших паутину на раме. Кровь проворно побежала сверху вниз и снизу вверх. Когда капли встретились в середине, шелковые нити паутины засияли.

Перед рамой появился дымчатый вихрь и превратился в хрустальную чашу.

Она была совсем простой. Большинство мужчин назвали бы ее невзрачной. Деймон же счел, что чаша весьма красива, элегантна и гармонична. Но его притягивало к самодельному алтарю ее содержимое.

Черная клубящаяся дымка, прорезаемая молниями, вмещала силу и мощь, которые раздражали все нервные окончания, волной прокатывались по позвоночнику и в поисках освобождения разжигали огонь в паху. Перед Деймоном предстала расплавленная сила в чистом виде, разрушительная и дикая, настолько опасная, что разум не мог осознать этого... и он стремился к ней всем своим существом.

– Смотри! – повторила Терса, указывая на край чаши.

От края сосуда к основанию бежала трещина не шире волоса. По мере того как Деймон не отрываясь смотрел на хрустальную чашу, раскол углубился, стал заметнее.

Дымка в кубке начала кружиться. Тонкий свившийся стебель силы скользнул сквозь хрусталь к ножке чаши.

Она слишком хрупкая, подумал Деймон, глядя, как сосуд покрывается трещинами. Хрусталь не мог удержать такую силу.

И только тогда он пригляделся внимательнее.

Трещины появлялись снаружи и проникали внутрь, а не шли изнутри. Получается, чаше и силе, содержащейся в ней, угрожало что-то извне.

Деймон невольно содрогнулся, наблюдая за тем, как сила капля за каплей утекает в основание сосуда. Это определенно было видение. Он не мог изменить его. Однако все его существо разрывалось на части от желания сделать хоть что-то, обернуть чашу своей собственной силой, защитить ее, сохранить.

Деймон, не удержавшись, потянулся к чаше.

Она разлетелась на части, едва он успел прикоснуться к гладким бокам, осыпав самодельный алтарь острыми осколками хрусталя.

Терса подняла то, что осталось от чаши. Слабая дымка по-прежнему кружилась на дне сосуда с неровными, изломанными краями. Большая ее часть была заключена в основании.

Предсказательница грустно взглянула на Деймона:

– Внутреннюю паутину можно порвать, не разбив чашу. Можно разбить чашу, не порвав внутреннюю паутину. Они не могут коснуться внутренней паутины, но чаша...

Деймон облизнул пересохшие губы. Он не мог подавить дрожь.

– Я знаю, что внутренняя паутина – это еще одно название нашей Сущности, Сердца, которое может открыть или закрыть источники внутренней силы. Но я не знаю, что представляет собой чаша.

Ее рука дрогнула.

– Терса – это разбитая чаша.

Деймон закрыл глаза. Разбитая чаша. Разбитый разум. Она говорит о своем безумии.

– Дай руку, – велела Терса.

Потрясенный увиденным, Деймон повиновался беспрекословно, протянув женщине левую руку.

Терса схватила ее, притянула к себе и полоснула по запястью острыми, изрезанными краями чаши.

Деймон зажал рану другой рукой и, пораженный, молча уставился на предсказательницу.

– Чтобы ты никогда не забыл эту ночь, – пояснила Терса дрожащим голосом. – Этот шрам останется навсегда.

Деймон перевязал рану платком.

– А почему этот шрам так важен?

– Я уже сказала. Чтобы ты не забыл. – Женщина обрезала нити спутанной паутины разбитой чашей. Когда порвалась последняя, и сосуд, и сплетенная Терсой сеть исчезли. – Я не знаю, случится ли это наверняка или только может произойти. Многие нити в этой паутине остались для меня невидимыми. Пусть Тьма наделит тебя храбростью, если она тебе понадобится – когда она тебе понадобится.

– Храбростью сделать что?

Но женщина уже шла прочь.

– Терса!

Та обернулась, посмотрела на Деймона, произнесла три слова и исчезла.

У Деймона подогнулись колени. Он повалился на землю, хватая ртом воздух и содрогаясь от страха, тисками сжавшего внутренности.

Каким образом одно связано с другим? Никак. *Никак!* Он ведь будет там – надежная опора, защитник...

Но где именно?

Деймон заставил себя дышать ровно и спокойно. Это главный вопрос. Где.

Уж точно не при дворе Марис.

Деймон вернулся в дом только поздним утром, измученный и грязный. Запястье болело, немилосердно гудела голова. Он едва добрался до террасы, когда дочь Марис, Марисса, выбежала из зимнего сада и встала перед ним, уперев руки в бока и уставившись на мужчину взглядом, выражавшим нечто среднее между раздражением и похотью.

– Ты же должен был прийти вчера в мою комнату, но не сделал этого! Где ты был? Ты весь грязный! – Она качнула плечиком, глядя на Деймона из-под пушистых ресниц. – Ты очень непослушный. Придется тебе зайти в мою комнату и объясниться.

Деймон протиснулся мимо нее:

– Я устал и иду спать.

– Ты сделаешь, как я велела! – Марисса грубо схватила его между ног.

Деймон стиснул ее запястье так быстро и с такой силой, что девушка оказалась на коленях, всхлипывая от боли, еще не успев сообразить, что произошло. Он продолжал сжимать ее руку до тех пор, пока кости не затрещали. Тогда Деймон одарил Мариссу холодной, презрительной усмешкой:

– Я не «непослушный». Непослушными бывают только маленькие мальчики. – С этими словами он оттолкнул Мариссу и перешагнул через ее распростершееся на каменных плитах тело. – А если ты еще хоть раз посмеешь так прикоснуться ко мне, я оторву тебе руки.

Он шел по коридорам к своей комнате скольльзящей походкой хищника, зная, что слуги поспешно шарахаются от него, а в воздухе разливается запах жестокости.

Ему было все равно. Деймон вошел в комнату, сорвал с себя одежду, опустил на постель и устался в потолок невидящим взглядом, не решаясь закрыть глаза, потому что каждый раз, когда осмеливался сделать это, он видел разбившуюся хрустальную чашу.

Три слова. *Она наконец пришла.*

3. Ад

Когда-то он был Соблазнителем, Палачом, Верховным Жрецом Песочных Часов, Князем Тьмы, Повелителем Ада.

Когда-то он был консортом Кассандры, великой Королевы, Черной Вдовы, носившей Черный Камень, последней Ведьмы, ходившей по Королевствам.

Когда-то он был единственным в истории Крови Верховным Князем, носившим Черный Камень, которого боялись – из-за природной жестокости и силы, которой он обладал.

Когда-то он был единственным мужчиной, принадлежащим к Черным Вдовам.

Когда-то он правил Краем Демлан в Королевстве Террилль и одноименной территорией в Кэйлеере, Королевстве Теней. Он был единственным мужчиной, который, стоя у власти, был не обязан отвечать перед Королевой за свои действия, и, не считая Ведьмы, единственным человеком Крови, в чьем ведении находились одновременно два Края в двух Королевствах.

Когда-то он был женат на Гекате, Жрице Черных Вдов, аристократке, происходившей из одного из Ста Семейств Хейлля.

Когда-то у него было двое сыновей, Мефис и Пейтон. Он играл с ними, рассказывал сказки, читал книги вслух, лечил ободранные колени, обучал мальчиков Ремеслу и Закону Крови, делился с ними своей любовью к этой земле, а также к музыке, искусству и литературе, приучал их брать все, что могли предложить Королевства, – для того, чтобы учиться, а не воевать. Он научил их танцевать на балах во славу Ведьмы. Словом, он научил их быть Кровью.

Но все это было очень, очень давно.

Сэйтан, Повелитель Ада, неподвижно сидел у огня, укрыв ноги пледом и переворачивая страницы книги, навевавшей смертную скуку. Он то и дело отпивал из бокала глоток ярбараха – кровавого вина, не испытывая ни малейшего удовольствия от его вкуса или прокатывающегося по желудку тепла.

За последние десять лет он превратился в спокойного, тихого инвалида, никогда не покидавшего своего личного кабинета, расположенного глубоко под Залом. Более пятидесяти тысяч лет Сэйтан был правителем и защитником этого Королевства, вотчины людей Крови, которые сохранили слишком много сил для того, чтобы возвращаться во Тьму после того, как их тела умерли.

Он устал и состарился, и одиночество, всю жизнь гнездившееся в его душе, внезапно стало слишком тяжелой ношей. Сэйтану больше не хотелось быть Хранителем, одним из живых мертвецов. Ему больше не хотелось вести эту полужизнь, которую избрала жалкая горстка

людей Крови, чтобы растянуть свое существование до невообразимых пределов. Он мечтал о покое, хотел тихо вернуться во Тьму и угаснуть там...

Единственное, что удерживало его от поиска освобождения, – это обещание, данное Кассандре.

Сэйтан сцепил перед собой тонкие пальцы с длинными ногтями, покрашенными в черный цвет, и устремил взгляд своих золотистых глаз на портрет, висящий на дальней стене между книжными шкафами.

Она заставила своего консорта пообещать стать Хранителем, чтобы эта растянутая до безграничности полужизнь позволила ему ходить среди живых, когда родится дочь. Не дочь его плоти, но дитя души. Дочь, которую она видела в спутанной паутине.

Сэйтан дал это обещание, потому что слова Кассандры заставили его нервы натянуться, как снасти в шторм. Такой была цена, за которую она согласилась помочь ему стать Черной Вдовой, ибо Тьма пела ему те песни, которые не слышал ни один другой мужчина Крови.

Сэйтан сдержал слово. Но дочь так и не появилась.

Настойчивый стук в дверь кабинета наконец вывел его из размышлений.

– Входите, – произнес он. Некогда глубокий и сильный голос теперь превратился в усталый шепот, стал лишь бледной тенью того, чем был когда-то.

Мефис Са-Дьябло вошел и молча замер возле кресла, в котором сидел его отец.

– Что тебе нужно, Мефис? – спросил Сэйтан старшего сына, обратившегося в мертвого демона в той далекой войне между Терриллем и Кэйлеером.

Мефис ответил не сразу:

– Происходит нечто странное.

Взгляд Сэйтана вновь замер на языках пламени в камине.

– Этим может заняться кто-то другой, если, конечно, найдутся желающие. Пусть твоя мать во всем разберется. Геката всегда мечтала о власти без моего вмешательства.

– Нет, – обеспокоенно возразил Мефис.

Сэйтан пристально посмотрел на сына и обнаружил, что не может сделать еще один глоток.

– Что-то с твоими... братьями? – наконец спросил он, не в силах скрыть боль, которую причинил этот вопрос. Нужно быть настоящим самодовольным глупцом, чтобы решиться сплести заклинание, на время вернувшее его семени жизнь. Сэйтан не находил в себе сил, чтобы сожалеть о рождении Деймона и Люцивара, но все эти века терзался, слушая рассказы о том, что с ними сделали.

Мефис покачал головой и перевел взгляд на каминную полку из темно-красного мрамора.

– Что-то случилось на острове *килдру дьятэ*.

Сэйтан содрогнулся. Он никогда и ничего не боялся здесь, в Аду, но всегда испытывал острый приступ отчаяния при одной мысли о *килдру дьятэ*, мертвых демонах-детях. В Аду погибшие навсегда сохраняли тот образ, который носили в последний час своей жизни. Его холодное, усыпанное пеплом Королевство никогда не было особенно гостеприимным местом, но на тех детей было просто страшно смотреть. Видеть, что с ними сделали чьи-то руки, было невыносимо, поскольку полученные ими раны не исцелялись и не изменялись. Это слишком даже для него. Дети жили на отдельном острове, не желая вступать в какой-либо контакт с взрослыми. Сэйтан никогда не вторгался в замкнутый мир *килдру дьятэ*, и только Чар, их избранный лидер, приходил периодически сюда, унося с собой книги, игры и прочие развлечения, способные занять юные умы и помочь преодолеть безжалостные годы жалкого существования.

– *Килдру дьятэ* могут и сами о себе позаботиться, – наконец отозвался Сэйтан, поправляя плед. – Ты прекрасно знаешь об этом.

– Да, но... периодически на протяжении последних нескольких недель там появляется кто-то чужой. Ненадолго, конечно, но я почувствовал это присутствие. То же самое ощутил Протвар, пролетая над островом.

– Оставьте их в покое, – отрезал Сэйтан, чей голос вновь напитался силой от вспыхнувшего гнева. – Возможно, они нашли осиротевшего щенка Гончей.

Мефис сделал глубокий вдох.

– Геката уже успела поругаться с Чаром по этому поводу. Вот почему дети прячутся от всех, кто приближается к острову. Если бы мать обладала достаточной властью, чтобы...

Прежде чем Сэйтан успел ответить на резкий и громкий стук в дверь, она распахнулась. Андальвар Яслана, некогда бывший эйрианским Верховным Князем, вошел в кабинет. Его внук, Протвар, шел следом, осторожно неся большой шар, накрытый черной материей.

– Тебе следует кое на что взглянуть, Са-Дьябло, – произнес Андальвар. – Протвар принес это с острова *килдру дьятэ*.

Сэйтан изобразил на лице вежливый интерес. В молодости он и Андальвар каким-то непостижимым образом сумели стать друзьями и вместе служили при нескольких дворах. Даже Геката не смогла разрушать эту дружбу, когда, сияя от ликования, вынашивала ребенка, отцом которого был не Сэйтан, а Андальвар. Даже это не заставило ее мужа отвернуться от единственного человека, которого он называл своим другом, – в конце концов, как можно винить несчастного, угодившего в сети интриг его коварной супруги? – зато положило конец их слишком бурному браку.

Сэйтан по очереди оглядел троих мужчин и прочел в их взглядах беспокойство. Мефис был Верховным Князем, носившим Серый Камень, и его было трудно напугать. Протвар носил Красный Камень и был эйрианским Предводителем, прекрасно обученным воином. Андальвар – эйрианским Верховным Князем, владельцем Эбеновосерого Камня, темнее которого являлся только Черный. Все они слыли сильными людьми, которых нелегко напугать, но сейчас Сэйтан прочел на их лицах страх.

Он наклонился вперед, чувствуя, что эта общая обеспокоенность сумела пробить кокон безразличия, в который Сэйтан заключил себя много лет назад. Его тело ослабло, и теперь Повелитель Ада мог ходить только с тростью, но разум не утратил своей остроты и ясности, Черный Камень по-прежнему был живым и трепетал в его душе, а владение Ремеслом оставалось все таким же отточенным и безупречным.

Внезапно он понял, что потребуются все его силы и умения, чтобы разобраться в происходящем на острове *килдру дьятэ* – что бы то ни было.

Андальвар сорвал покрывало с шара. Сэйтан пораженно смотрел на то, что предстало его взгляду. На лице Повелителя появилось выражение недоверия и удивления.

Бабочка. Но не просто бабочка. В шаре оказалось заключено огромное фантастическое создание, мягко бившее большими крыльями. Но Сэйтана поразили цвета. Ад был царством вечного сумрака, это Королевство приглушало все тона до тех пор, пока не выпивало их до дна. Однако создание в шаре не утратило своей яркости. Его тельце было насыщенного оранжевого цвета, на крыльях причудливо перемешивались небесно-голубой, солнечно-желтый и изумрудно-зеленый оттенки. На глазах у Сэйтана бабочка утратила форму, а цвета слились воедино, словно картинку, нарисованную мелкими, размыло дождем.

Кто-то на острове *килдру дьятэ* сотворил это великолепное волшебство, более того, сумел удержать краски живых Королевств в месте, которое гасило жизнь и ее яркость.

– Протвар сумел заключить это в защитную сферу, – пояснил Андальвар.

– Они исчезают почти сразу же, – словно извиняясь, произнес тот, крепко прижимая свои темные кожистые крылья к спине.

Сэйтан выпрямился в кресле:

– Приведите ко мне Чара, лорд Яслана. – Его голос походил на тихий гром, отдавая приказ мягко, но в то же время вынуждая повиноваться.

– Добровольно он не пойдет, – предупредил Протвар.

Сэйтан уставился на мертвого демона-Предводителя:

– Приведите ко мне Чара.

– Да, Повелитель.

Повелитель Ада тихо сидел у огня, расслабленно сцепив пальцы с поблескивающими черными ногтями. Кольцо с Черным Камнем на правой руке мерцало внутренним огнем.

Мальчик сел напротив него, уставившись в пол и изо всех сил стараясь скрыть страх.

Сэйтан наблюдал за ним, прикрыв глаза. Уже тысячу лет Чар был лидером *килдру дьятэ*. Ему было всего лишь двенадцать или тринадцать, когда какой-то мерзавец посадил его на кол и поджег. Воля к жизни оказалась сильнее тела, поэтому паренек кое-как прошел через одни из Врат и оказался в Темном Королевстве. Его тело так сильно обгорело, что было уже невозможно понять, к какой расе Чар принадлежал. И все же этот юный демон сумел собрать других изуродованных детей и создать для них своего рода убежище – остров *килдру дьятэ*.

Из него бы вышел неплохой Предводитель, если бы мальчишка дожил до зрелости, лениво подумал Сэйтан.

Андульвар, Мефис и Протвар стояли за спинкой его кресла полукругом, отрезая возможные пути к бегству.

– Кто создает бабочек, Чар? – обманчиво спокойно спросил Повелитель.

Есть ветры, прилетающие с севера, которые впитали память о льдах, простирающихся на многие мили, вобрали влагу, промчавшись над прохладным морем, и, когда они прикасаются к человеку, холодное, острое как нож дуновение проникает в кости и холодит тело так, что не согреть и самым жарким огнем. Сэйтан, надевающий маску ледяного спокойствия, казался одним из таких ветров.

– Кто создает бабочек? – снова спросил он.

Чар уставился на пол, сжав руки в кулаки; лицо мальчика исказилось от противоречивых чувств, борющихся в его душе.

– Она наша. – Слова словно вырвались изо рта, преодолевая сопротивление. – Она одна из нас.

Сэйтан сидел неподвижно, похолодев от ярости, волной поднявшейся в нем. Пока ответ не будет получен, у него нет возможности позволить себе такую роскошь, как мягкость.

Чар упрямо смотрел в глаза Повелителя, перепуганный, но решивший бороться до конца.

Все жители Ада чувствовали малейшие нюансы смерти, и в том числе понимали, что есть мертвые и *мертвые*. Они были прекрасно осведомлены, что существует лишь одно существо, способное уничтожить всех здешних обитателей лишь одной силой мысли, и это – их Повелитель. И все же Чар дерзнул открыто бросить ему вызов и ждал исхода.

Внезапно в комнате появился кто-то еще. Мягкое прикосновение разума. Вопрос, причавшийся на ниточке мысленной связи. Чар повесил голову, признавая свое поражение.

– Она хочет познакомиться с вами.

– Тогда приведи ее сюда, Чар.

Тот расправил плечи:

– Завтра. Я приведу ее завтра.

Сэйтан обратил внимание на неуверенную гордость, мелькнувшую во взгляде мальчика.

– Очень хорошо, Предводитель, можете сопроводить ее сюда... завтра.

4. Ад

Сэйтан стоял у своего пюпитра. Мягкие огоньки свечей разливали вокруг нежное сияние. Повелитель Ада пытался разобрать текст древней рукописи, посвященной Ремеслу. Он даже не обернулся, когда в дверь постучали. Быстро брошенный мысленный импульс – и Сэйтан понял, кто стоит за порогом.

– Заходи. – Он продолжил листать увесистый том, пытаясь обуздать свой гнев, прежде чем доведется посмотреть в глаза этому дерзкому демоненку. Наконец Повелитель захлопнул книгу и обернулся.

Чар стоял в проходе, гордо расправив плечи.

– Язык – весьма любопытная вещь, Предводитель, – с обманчивой мягкостью произнес Сэйтан. – Когда ты сказал «завтра», я, признаюсь, не ожидал, что пройдет пять дней.

Во взгляд Чара закрался страх. Плечи юнца поникли. Он повернулся к двери, и по его лицу прокатилась странная смесь нежности, раздражения и покорности.

Порог переступила девочка, и ее внимание немедленно привлекла потрясающая картина Дужэя «Снисхождение в Ад», висевшая над камином. Ее глаза цвета летнего неба вежливо задержались на Повелителе и ярко зажглись, стоило малышке увидеть книжные стеллажи, занимавшие все пространство от пола до потолка у одной из стен. Портрет Кассандры она изучила особенно пристально.

Сэйтан стиснул серебряный набалдашник своей трости, пытаясь удержаться на ногах от обрушившейся на него лавины впечатлений. Он ожидал увидеть весьма одаренную *килдру дьятэ*. Но эта девочка была *живой*! Создание тех бабочек требовало немалого мастерства в Ремесле, поэтому Повелитель полагал, что она будет постарше, но его гостье было не больше семи лет. Он ожидал увидеть ребенка с острым умом, но на личике этой девочки застыло выражение невинности и разочаровывающей глупости. Что живой ребенок мог забыть в Аду?

Потом она обернулась и посмотрела на него. Наблюдая за тем, как ярко-голубые глаза становятся сапфировыми, Сэйтан почувствовал, как лавина захлестнула его с головой.

Древние глаза. Опасные, как водоворот в море. Усталые, знающие, *видящие* глаза.

Словно ледяной палец прошелся вниз по его спине вдоль позвоночника в тот миг, как Сэйтан ощутил напряженный, ни на что не похожий голод. Инстинкт подсказывал, чем она была. Потребовалось чуть больше времени, чтобы обрести смелость принять это.

Не дочь его плоти, но дитя духа. Не просто одаренная ведьма, но Ведьма.

Она опустила глаза и взъерошила свои золотистые густые кудри, очевидно усомнившись в том, что ей окажут теплый прием.

Сэйтан подавил желание пригладить эти нелепые завитки.

– Ты – Жрец? – застенчиво спросила девочка. – Верховный Жрец Песочных Часов?

Одна черная бровь медленно приподнялась, и губы Сэйтана изогнулись в легкой, сухой улыбке.

– Меня никто не называл так уже очень давно, но ты права, я действительно Жрец. Я Сэйтан Са-Дьябло, Повелитель Ада.

– Сэйтан... – произнесла она, словно пробуя имя на вкус. – Сэйтан. – Теплая, нежная, чувственная ласка. – Тебе подходит.

Повелитель с трудом подавил смешок. На его имя на протяжении веков реагировали по-разному, но вот так – никогда.

– А тебя как зовут?

– Джанелль.

Он ждал продолжения, но фамилии девочка не назвала. По мере того как длилось молчание, комнату затопило неожиданное ощущение настороженности, словно гостья опасалась какой-то ловушки. Улыбнувшись и слегка пожав плечами, Сэйтан указал на кресла у камина:

– Может, присядешь и побеседуешь со мной, ведьмочка? Боюсь, нога подводит меня, не давая долго стоять.

Джанелль опустилась на ближайшее к выходу кресло, и Чар встал рядом с ней, всем своим видом показывая, что готов в любой момент броситься на защиту гостьи.

В золотых глазах Сэйтана вспыхнуло раздражение. Огни Ада! Он совсем забыл про мальчишку!

– Благодарю вас, Предводитель. Можете идти.

Чар запротестовал, однако, прежде чем Сэйтан успел ответить, Джанелль прикоснулась к руке мальчишки. Не прозвучало ни единого слова, и он не уловил мысленного разговора. Какая бы ниточка ни протянулась сейчас между двоими детьми, она была неуловима. Не оставалось ни малейших сомнений насчет того, кто из них двоих был главным. Чар вежливо поклонился и покинул кабинет, закрыв за собой дверь.

Как только они остались одни у камина, Джанелль пригвоздила Сэйтана к креслу напряженным взглядом сапфировых глаз:

– Ты можешь обучить меня Ремеслу? Кассандра сказала, что, возможно, ты согласишься, если я попрошу.

Мир Сэйтана в единое мгновение был уничтожен и возрожден. Но Повелитель позаботился о том, чтобы это не отразилось на его лице. На подобные размышления у него еще будет время.

– Научить тебя Ремеслу? Не вижу причин отказывать. А где Кассандра сейчас? С годами мы потеряли связь.

– У своего Алтаря. В Террилле.

– Ясно. Подойди сюда, ведьмочка.

Джанелль покорно встала и приблизилась к его креслу. Сэйтан поднял руку и кончиками пальцев коснулся щеки девочки. В ее глазах немедленно вспыхнул гнев, а Черный Камень, похороненный глубоко в душе Повелителя, внезапно начал пульсировать. Он выдержал ее взгляд, пока пальцы медленно скользили по ее подбородку, губам и щекам. Сэйтан даже не пытался скрыть любопытство, интерес и нежность, которые испытывал к большинству представительниц женского пола.

Удовлетворившись этим, он сцепил пальцы и подождал немного. Через мгновение пульсация прекратилась, а мысли снова принадлежали лишь ему одному. Вот и хорошо, потому что Сэйтан не мог не поинтересоваться про себя, почему девочку так разозлили невинные прикосновения.

– Я дам тебе два обещания, – произнес он. – И хочу взамен услышать одно.

Джанелль настороженно посмотрела на Повелителя:

– Какие обещания?

– Я клянусь Камнем, который ношу, и всем, что составляет мою Сущность, что обучу тебя всему, о чем ты попросишь, и приложу к этому все усилия. И я обещаю никогда не лгать тебе.

Джанелль обдумала его слова.

– А что я должна пообещать?

– Что будешь сообщать мне о любых уроках Ремесла, которые получишь от других. Для подобных занятий необходимы упорство и целеустремленность, а также дисциплина, чтобы справиться с ответственностью, которой неизбежно требует обладание подобной силой. Я хочу быть уверенным, что все, чему ты обучаешься, преподают правильно. Ты поняла меня, ведьмочка?

– И тогда ты научишь меня?

– Всему, что знаю сам. – Сэйтан дал ей время обдумать эти условия. – Мы договорились?

– Да.

– Очень хорошо. А теперь дай мне руки. – Он взял маленькие светлые ладошки в свои смуглые пальцы. – Мне нужно прикоснуться к твоему разуму.

Снова гнев.

– Я не причиню тебе боли, ведьмочка.

Сэйтан осторожно потянулся к ней мысленно и вскоре оказался перед первым барьером. В сознании людей Крови существовали своего рода щиты, закрывавшие их друг от друга. Структуру этих заграждений можно описать как кольца внутри колец – чем больше барьеров преодолевалось, тем более интимной становилась мысленная связь. Первый укрывал обычные повседневные мысли. Последний оберегал сердцевину Я, центр Сущности, внутреннюю паутину.

Сэйтан терпеливо ждал. Как бы сильно ему ни были нужны ответы, он не собирался добиваться их силой. Слишком многое теперь зависело от доверия.

Барьер открылся, и он вошел.

Сэйтан не стал прерывать ее мысли или погружаться глубже, чем было необходимо, несмотря на возросшее любопытство. Это стало бы страшным предательством согласно кодексу чести Крови. К тому же в ее разуме была странная, глубокая чернота, которая обеспокоила Повелителя Ада, некая нейтральность, ничто, за которым (и в этом Сэйтан был уверен) скрывалось совсем иное. Он быстро обнаружил искомое – мысленную нить, которая откликнулась бы на зов нити той же ступени и тем самым подсказала бы ему, какой Камень носит девочка. Или будет носить после церемонии, устанавливающей Право рождения. Он начал с Белого, Камня самой светлой ступени, и постепенно спускался вниз, пытаясь уловить отклик.

Огни Ада! Ничего. Он и не ожидал ничего, перебирая более светлые Камни, однако не получил ответа, даже дойдя до Красного. Она должна была носить Красный по Праву рождения, чтобы получить Черный, принеся Жертву Тьме. Ведьма всегда носила Черный.

Не раздумывая, Сэйтан дернул Черную нить.

Из глубин донеслось ответное гудение.

Сэйтан отпустил ее руки и немало удивился, обнаружив, что его собственные не дрожат. Он с трудом сглотнул горький комок и попытался вернуть сердце на его законное место.

– Ты уже проходила церемонию, устанавливающую Право рождения?

Джанелль потупилась.

Он бережно поднял ее подбородок:

– Что такое, ведьмочка?

Ее сапфировые глаза наполнились печалью. По щеке скатилась слеза.

– Я п-провалила испытание. Это означает, что я должна буду вернуть Камни?

– Провалила... какие еще Камни?

Джанелль зарылась рукой в складки своего голубого платица и извлекла бархатный мешочек. Она перевернула его над низким столиком возле кресла Повелителя с горделивой и немного неуверенной улыбкой.

Сэйтан зажмурился и откинулся на спинку, искренне надеясь на то, что комната перестанет кружиться у него перед глазами. Ему не нужно было смотреть на стол, чтобы знать, что перед ним: двенадцать неграненых Камней. Белый, Желтый, Тигровый Глаз, Розовый, Небесно-голубой, Лиловый Сумрак, Кровавый Опал, Зеленый, Сапфир, Красный, Серый, Эбеново-серый.

Никто не знал, откуда берутся Камни. Если испытуемому было предназначено носить один из них, он просто появлялся на Алтаре после церемонии, устанавливавшей Право рождения. Даже в дни молодости Сэйтана получение неграненого Камня, то есть такого, который

не носил ни один другой человек Крови, было большой редкостью. Его собственный Красный Камень, доставшийся по Праву рождения, был неграничным. Когда Сэйтан в конечном итоге был наделен Черным, тот тоже оказался нетронутым. Но получить целый набор неграничных Камней... Сэйтан наклонился над столом и щелкнул кончиком ногтя по Желтому Камню. Тот осветился, и вспыхнувшее в центре пламя предупредило Повелителя, что делать этого не следует. Он нахмурился, озадаченный. Камень уже определил себя как женский, он знал, что связан с женщиной, а не мужчиной Крови, однако при этом обладал и слабой мужественностью. Джанелль стерла слезы со щек и шмыгнула носом.

– Светлые Камни нужны для тренировок и прочей ерунды до тех пор, пока я не буду готова использовать эти. – Она вытряхнула содержимое второго мешочка.

Комната бешено завертелась перед глазами Повелителя. Его ногти вонзились в обитые кожей подлокотники кресла.

Огни Ада, Мать-Ночь, и пусть Тьма будет милосердна!

Тринадцать неграничных Черных Камней, уже сияющих внутренним огнем мысленной связи. Ребенок, получивший один Черный Камень и сумевший сохранить разум в его глубинах, уже вызывает опасения. Но внутренняя сила, необходимая, чтобы связать и удерживать *тринадцать* таких камней... Страх холодком пробежал вверх по позвоночнику и льдом обжег вены.

Слишком большая сила. Слишком. Ни один человек Крови не может быть наделен таким могуществом. Даже Ведьма никогда не управляла *такой* страшной силой.

Однако перед ним стояла девочка, наделенная почти безграничной властью. Юная Королева. Дитя его души.

Не без усилия Сэйтан выровнял дыхание. Он может принять ее. Он может любить ее. Или же он может бояться ее. Решать только ему, и, каким бы ни было это решение, придется с ним жить.

Черные Камни сияли. Черный Камень в его перстне мягко засветился в ответ. Кровь запульсировала в венах, отчего у Сэйтана разболелась голова. Сила не оставляла его, требуя признания.

И он понял, что принять решение не так уж сложно – на самом деле он сделал это много, очень много лет назад.

– Где ты взяла их, ведьмочка? – хрипло спросил он.

Джанелль ссутулилась:

– Получила от Лорна.

– Л-Лорна?

– *Лорна?! Старинное имя из древнейших легенд Крови. Лорн был последним Князем Драконов первого народа, главной расы, которая и сотворила Кровь.* – Как... где ты встретила Лорна?

Джанелль обхватила себя руками.

Сэйтан подавил желание вытрясти из нее ответ сию же секунду и театрально вздохнул.

– А, я так понимаю, это дружеский секрет, да?

Девочка кивнула.

Он снова вздохнул:

– В таком случае давай сделаем вид, что я ни о чем не спрашивал. – Сэйтан легонько щелкнул Джанелль по носу. – Но это означает, что ты не должна рассказывать ему *наши* секреты.

Девочка удивленно посмотрела на него:

– А они у нас есть?

– Пока нет, – проворчал Повелитель. – Но я что-нибудь придумаю – просто для того, чтобы они появились.

Она рассмеялась. Высокий, серебристый, но вместе с тем бархатистый звук, необычный, намекавший на голос, которым Джанелль будет обладать через несколько лет. То же самое можно сказать и о ее лице, которое было слишком странным и нелепым сейчас, но, благая Тьма, когда это создание вырастет!..

– Ну что ж, ведьмочка, пора браться за дело. Убери свои Камни. Они не понадобятся тебе сейчас.

– За дело? – переспросила она, сгребая Камни в мешочки и засовывая их в карманы платья.

– Начинается твой первый урок основ Ремесла.

Джанелль ссутулилась, но тут же выпрямилась.

Сэйтан повел пальцем. Прямоугольное пресс-папье поднялось в воздух с черного стола и, перелетев через комнату, опустилось на низкий стол. Оно было сделано из полированного камня, взятого из того же источника, что и плиты, из которых был построен Зал в этом Королевстве.

Сэйтан велел Джанелль встать перед столом.

– Ты должна направить палец на этот предмет... вот так... и передвинуть его по столу как можно дальше.

Джанелль помедлила, облизнула губы и сделала, как он велел.

Сэйтан почувствовал, как волна чистой силы прошла через его Черный Камень.

Пресс-папье не двинулось с места.

– Попробуй еще раз, ведьмочка. В другую сторону.

И снова та же волна. Но предмет упрямо остался на месте.

Сэйтан потер подбородок, не понимая, в чем дело. Это очень простое колдовство, с таким девочка должна справиться без каких-либо сложностей...

Джанелль поникла.

– Я пытаюсь, – сломленно произнесла она. – Я пытаюсь снова и снова, но никак не могу сделать этого.

Сэйтан обнял ее, ощутив горько-сладкую боль в сердце, когда маленькие ручки обхватили его шею.

– Ничего страшного, ведьмочка. На то, чтобы обучиться Ремеслу, нужно время.

– Почему у меня ничего не получается? Все мои друзья могут это сделать!

Не желая отпускать ее, Сэйтан немного отодвинулся.

– Возможно, следует начать с чего-то более личного. Так обычно легче справиться с уроками. Скажи, у тебя есть какие-нибудь проблемы?

Джанелль снова взъерошила свои кудряшки и нахмурилась:

– Я вечно подолгу ищу туфли.

– Это подойдет. – Сэйтан взял трость. – Положи одну туфельку перед столом и встань вон там.

Он, хромая, прошел в другой конец комнаты и повернулся спиной к портрету Кассандры. Повелитель Ада ощутил всплеск мрачного веселья при мысли, что сейчас он проводит первый урок Ремесла для своей новой Королевы под неподвижным и невидящим взглядом старой.

Когда Джанелль встала рядом, он произнес:

– По большей части, работа с Даром требует перевода физического действия в мысленное. Я хочу, чтобы ты представила... Кстати, как у тебя с воображением? – Сэйтан невольно замолчал. Почему на ее лице появилось такое загнанное выражение? Он всего лишь хотел поддразнить ее немного – ведь та бабочка была выше всяких похвал. – Я хочу, чтобы ты представила, как поднимаешь башмак и несешь его сюда. Протяни мысленную руку, схвати его и тащи сюда.

Джанелль протянула руку, сжала пальцы и дернула.

Все произошло одновременно.

Кожаные кресла, стоявшие у камина, ринулись к Сэйтану. Он привычно ответил выбросом силы и даже успел на мгновение удивиться: ничего не произошло. В следующий миг одно из кресел сбило Повелителя Ада с ног. Он упал в другое и сумел сжаться в комок, прежде чем кресло, стоявшее за столом из черного дерева, врезалось в спинку того, на котором Сэйтан невольно оказался. Оно перевернулось и упало сверху, образовав таким образом ловушку. Хранитель слышал, как обтянутые кожей книги начали со свистом летать по комнате, словно обезумевшие птицы, и с глухим стуком падать на пол. Его ботинки неистово задержались, пытаясь соскочить с ног. И всю эту какофонию перекрыл вопль Джанелль:

– Хватит, хватит, хватит!

Через несколько секунд воцарилась тишина.

Джанелль осторожно заглянула в узкую щель между двумя креслами.

– Сэйтан? – тихим, несчастным голосом позвала она. – Сэйтан, с тобой все в порядке?

Воспользовавшись Даром, он заставил верхнее кресло вернуться на свое место около стола из черного дерева.

– Все хорошо, ведьмочка. – Он наконец обулся и осторожно поднялся. – Я уже несколько веков так не развлекался.

– Правда?

Он расправил верхнюю черную тунику из плотной ткани и пригладил волосы.

– Правда.

Хранитель он или нет, но мужчина в его возрасте не должен позволять сердцу с такой силой и скоростью биться о грудную клетку.

Сэйтан оглядел кабинет и с трудом подавил стон. Книга, лежавшая на пюпитре, повисла в воздухе вверх тормашками. Остальные тома как попало валялись на полу. Единственным предметом, сделанным из кожи, но так и не шелохнувшимся, была туфелька Джанелль.

– Прости меня, Сэйтан.

Тот стиснул зубы.

– На это нужно время, ведьмочка. – Он опустился в кресло. Столько чистой силы – и полная незащитность до тех пор, пока она не обучится управлять ею... Новая мысль мелькнула у него в голове. – А кто-нибудь еще знает о тех Камнях, которые дал тебе Лорн?

– Нет. – Ее голос превратился в тихий шепот полуночи. Страх и боль наполнили огромные сапфировые глаза. И еще какое-то чувство появилось в них, гораздо сильнее этих поверхностных эмоций. Оно сжало его сердце холодными тисками.

Но страх и боль в детских глазах ранили душу гораздо сильнее.

Даже сильный ребенок – могущественный ребенок – зависит от взрослых. Если ее сила выводит из равновесия и пугает даже *Сэйтана Са-Дьябло*, как тогда отреагируют родные и близкие малышки, если когда-нибудь узнают, что скрывается за этой невинной оболочкой? Примут ли они девочку, которая уже сейчас была самой сильной Королевой в истории Крови, или же испугаются ее могущества? И если оно наполнит страхом их сердца, не попытаются ли они лишить Джанелль Дара, сломав ее?

Первая ночь с опытным мужчиной, умеющим причинить боль, может лишить ее силы, оставив все прочее нетронутым. Однако, если учесть, что внутренняя паутина Джанелль так глубоко уходит в бездну, возможно, девочка сможет погрузиться в нее и перенести даже физическое насилие. Правда, только в том случае, если мужчина не окажется настолько силен, чтобы спуститься следом и стать угрозой даже там.

Но есть ли в Королевствах достаточно сильный, достаточно темный, достаточно жестокий человек?

Один – есть.

Сэйтан закрыл глаза. Можно было сразу же послать за Марджонгом и позволить Палачу сделать то, что необходимо. Но нет, не сейчас. Только не с этим человеком. До тех пор, пока не появится стоящая причина.

– Сэйтан?

Он неохотно открыл глаза и недоуменно уставился на девочку, закатавшую рукав и протянувшую ему запястье. Повелитель Ада пораженно молчал, осознавая, зачем она это сделала.

– Нет никакой необходимости платить кровью, – отрезал он.

Но девчонка не опустила руку.

– Ты почувствуешь себя лучше.

Эти древние глаза обжигали, сдирали кожу, пока он не задрожал, оказавшись перед ней ментально обнаженным. Сэйтан пытался отказаться, но слова не желали слетать с его губ. Он чувствовал запах свежей крови, текущей по ее венам, ощущал пульсацию жизненной силы, ритм которой совершенно не совпадал с биением его сердца.

– Только не так, – хрипло произнес он. – Не со мной. – С нежностью любовника Повелитель Ада расстегнул верхние пуговицы ее платья и вспорол нежную кожу на шее длинным ногтем. Хлынула кровь, горячая и сладкая. Он сомкнул губы на ране.

Ее сила поднималась под его ртом медленной, черной волной, мастерски управляемой. Она омыла Сэйтана, очистила его, исцелила, несмотря на то что разум с содроганием пытался отстраниться от чужого сознания, поглотившего его, такого могущественного и вместе с тем нежного. Он считал биения ее сердца. Дойдя до пяти, Хранитель поднял голову. Девочка не выглядела ни потрясенной, ни напуганной, в отличие от большинства живых, у которых брали кровь прямо из вены.

Она коснулась его губ дрожащим пальчиком:

– Если бы ты выпил больше, то смог бы окончательно поправиться?

Сэйтан призвал миску с теплой водой и смыл кровь с шеи Джанелль полоской чистой ткани. Он не собирался объяснять ребенку, что с ним уже сотворили эти два глотка крови. Проигнорировав вопрос, Повелитель Ада понадеялся, что она не станет настаивать на ответе, и сосредоточился на Ремесле, чтобы залечить рану.

– Смог бы? – спросила Джанелль, как только он заставил миску и ткань исчезнуть.

Сэйтан ответил не сразу. Он дал слово, что не будет ей лгать.

– Было бы более эффективно принимать каждый раз понемногу. – Что ж, по крайней мере, это не было ложью. – Еще один урок завтра?

Джанелль тут же отвела глаза.

Сэйтан напрягся. Неужели ее все-таки испугали его действия?

– Я... я уже пообещала Моргане, что навещу ее завтра, и Габриэль, что зайду через день. От облегчения у него даже закружилась голова.

– Что ж, в таком случае через три дня?

Девочка взглядела в его лицо:

– Ты не против? Ты не сердишься?

Вообще-то Повелитель был против, и даже очень, но в нем говорила лишь властность Верховного Князя – и ревность. Кроме того, ему предстояло сделать очень многое перед их следующей встречей.

– Я не думаю, что твоим друзьям понравится новый наставник, который занимает уроками все время, верно?

Девочка усмехнулась:

– Скорее всего, нет. – Улыбка исчезла, сменившись загнанным выражением. – Мне нужно идти.

Да, ему предстояло сделать очень и очень многое перед их следующей встречей.

Она открыла дверь и замерла на пороге.

– А ты веришь в единорогов?

Сэйтан улыбнулся:

– Когда-то, очень давно, я видел и знал их.

Улыбка, которой девочка одарила Повелителя, прежде чем исчезнуть в коридоре, озарила комнату и внесла свет даже в самые темные уголки его сердца.

– Огни Ада! Что здесь случилось, Са-Дьябло?

Сэйтан покачал туфелькой Джанелль под носом у Андильвар и сухо улыбнулся:

– Урок Ремесла.

– Что?!

– Я познакомился с создательницей бабочек. Андильвар обвел взглядом воцарившийся в комнате беспорядок:

– Так это она устроила? Но почему?

– Это было не намеренно. Она просто не умеет контролировать свою силу. К тому же девочка вовсе не *килдру дьятэ*. Это живой ребенок, Королева и Ведьма.

Андильвар глупо разинул рот:

– Ведьма? Такая же, какой была Кассандра?

Сэйтан с трудом подавил желание огрызнуться.

– Не совсем, но – да, она Ведьма.

– Огни Ада! Ведьма! – Андильвар покачал головой и улыбнулся.

Сэйтан посмотрел на забытую туфельку.

– Андильвар, друг мой, надеюсь, у тебя еще сохранился запас воинственности, которой ты не так давно хвастал, поскольку мы здорово влипли.

– Почему? – подозрительно поинтересовался тот.

– Потому что тебе предстоит помочь мне обучать семилетнюю Ведьму, у которой уже сейчас достаточно чистой силы, чтобы стереть нас обоих в порошок, и которая при этом, – он бросил туфельку на кресло, – безнадежна в основах Ремесла.

Мефис осторожно постучал в дверь и вошел в кабинет, споткнувшись о кипу книг.

– Один из демонов только что рассказал мне очень странную вещь.

Сэйтан поправил складки плаща и потянулся за тростью.

– Говори кратко, Мефис. Я должен отправиться на встречу, которую следовало устроить много лет назад.

– Он сказал, что видел, как Зал сдвинулся на пару дюймов. Весь, целиком. А потом, через мгновение, встал на место.

Сэйтан замер на месте.

– А еще кто-нибудь видел это?

– Не думаю, но...

– В таком случае скажи, чтобы он придержал язык, если не хочет с ним расстаться.

Сэйтан покинул кабинет, который был его домом уже десять лет, оставив за спиной не на шутку обеспокоенного сына-демона.

Глава 2

1. Террилль

В осенних сумерках Сэйтан рассматривал всеми позабытое Святилище, выстроенное из камня, который уже начал осыпаться. Здесь теперь жили только паразиты и воспоминания. И все же это полуразрушенное здание оставалось Темным Алтарем, одним из тринадцати Врат, связывавших Королевства Террилля, Кэйлеера и Ада.

Алтарь Кассандры.

Окутанный завесой невидимости и черным ментальным щитом, Сэйтан, хромая, пошел по огороженным внешним помещениям, огибая лужицы воды, оставленные полуденной грозой. Мышь, пробежавшая мимо в поисках еды среди выпавших камней, даже не почувяла его присутствия. Ведьма, живущая в лабиринте этих комнат, тоже не распознает появления незваного гостя. Несмотря на то что они оба носят Черные Камни, его сила несколько темнее и чуть глубже, чем ее.

Сэйтан задержался у двери спальни. Покрывала на постели выглядели довольно новыми – как и тяжелые портьеры, закрывавшие окна. Да, они наверняка были нужны бывшей Королеве, когда она отдыхала здесь в дневные часы.

В начале своей полужизни тела Хранителей сохраняли большинство способностей живых. Они нуждались в пище, хотя при этом пили кровь, как мертвые демоны, и могли спокойно находиться под лучами солнца, но все же предпочитали сумерки и ночь. Однако по мере того, как шли века, потребность в еде уменьшалась, и в конце концов им требовался только ярбарах, кровавое вино. Предпочтение Тьмы свету становилось насущной необходимостью, поскольку яркие лучи иссушали их силы и причиняли ужасную боль.

Он нашел Кассандру на кухне, где она напевала, не попадая ни в одну ноту, с бокалом в руке. Бесформенное одеяние землистого цвета было заляпано грязью. Длинные волосы, заплетенные в косу, теперь потускнели, из темномедных превратившись в рыжие, словно припорошенные пылью, и были забраны паутинками. Когда женщина повернулась к двери, по-прежнему не подозревая о присутствии незваного гостя, неверный свет огня в камине разгладил большинство морщин на ее лице. Сэйтан знал, что они там были, поскольку выучил каждую черточку на портрете, висевшем в его личном кабинете. Разумеется, она состарилась со дня смерти, которая смертью не была.

Впрочем, так же, как он сам.

Сэйтан поднял обе завесы.

Бокал упал на пол и разлетелся на части.

– Практикуешься в, так сказать, каминном Ремесле, Кассандра? – мягко спросил он, пытаясь перебороть неприятные воспоминания о предательстве.

Она попятилась:

– Я должна была понять, что она расскажет тебе.

– Тут ты права. А еще тебе следовало знать, что я приду. – Он бросил плащ на деревянный стул и почувствовал всплеск мрачного веселья. Сэйтан, разумеется, заметил, что глаза женщины удивленно расширились, стоило ей заметить, как тяжело он опирается на трость. – Я уже стар, леди. И совершенно безвреден.

– Ты никогда таким не был, – резко отозвалась та.

– Верно, но, насколько я помню, ты ничуть не возражала против этого, пока я мог быть тебе полезен. – Повелитель Ада отвел взгляд, когда Кассандра ничего не ответила. – Неужели ты так сильно меня ненавидела?

Она потянулась к мужчине:

– Я никогда не ненавидела тебя, Сэйтан, я...

...боялась тебя.

Невысказанные слова повисли в воздухе между ними.

Кассандра заставила осколки бокала исчезнуть.

– Не хочешь ли вина? Ярбараха, боюсь, нет, зато у меня осталось вполне приличное красное.

Сэйтан опустился на стул рядом с сосновым столом.

– А почему ты не пьешь ярбарах?

Кассандра поставила на стол бутылку и два высоких бокала.

– Здесь его трудновато достать.

– Я пришлю тебе немного.

Первый бокал они выпили в молчании.

– Почему? – наконец спросил Сэйтан.

Кассандра теребила свой бокал.

– Королевы, носящие Черный Камень, встречаются редко и, как правило, оказываются разделены временем.

Мне некому было помочь, когда я стала Ведьмой, не с кем было даже поговорить, никто не подготовил меня к неожиданным и резким переменам, которые произошли после того, как я принесла Жертву. – Она невесело рассмеялась. – Я и понятия не имела, что такое быть Ведьмой. Я не хотела, чтобы следующая за мной прошла через те же испытания.

– Могла бы сказать мне, что собираешься стать Хранительницей, вместо того чтобы фальсифицировать окончательную смерть.

– Чтобы ты остался рядом, в качестве верного консорта Королевы, которой таковой больше не нужен?

Сэйтан вновь наполнил бокалы.

– Я мог бы стать твоим другом. К тому же ты была вольна в любой момент приказать мне покинуть твой двор, если, конечно, желала именно этого.

– Приказать тебе покинуть мой двор? *Тебе?! Ты же был... и остаешься... Сэйтаном, Князем Тьмы, Повелителем Ада.* Никто не может приказывать тебе. Даже Ведьма.

Сэйтан пристально посмотрел на нее.

– Будь ты проклята, – горько произнес он.

Кассандра устало смахнула волосы, упавшие на лицо.

– Дело сделано, Сэйтан. Все это произошло много жизней тому назад. Теперь нужно подумать о ребенке.

Повелитель смотрел на огонь, полыхающий в очаге. Она имела право на свою собственную жизнь и, разумеется, не несла ответственности за его выбор... Но Кассандра не понимала – или не хотела понимать, – что эта дружба могла бы для него означать. Даже если бы Сэйтан ни разу не увидел ее вновь, одно сознание того, что она продолжает существовать, несколько умирало бы воцарившуюся в душе пустоту. Разве он женился бы на Гекате, если бы не был так отчаянно одинок?

Кассандра переплела пальцы на ножке бокала.

– Ты уже видел ее?

Сэйтан вспомнил последствия той встречи и хмыкнул.

– Да, я ее видел.

– Она станет Ведьмой. Я уверена в этом.

– «Станет»? – Золотые глаза Сэйтана хищно сузились. – Что ты хочешь этим сказать? Почему «станет»? Мы точно говорим об одной и той же девочке? По имени Джанелль?

– Ну разумеется, мы говорим о Джанелль! – язвительно отозвалась Кассандра.

– Она не «станет Ведьмой», Кассандра. Она уже стала ею!

Женщина яростно покачала головой:

– Это невозможно! Ведьма всегда носит Черный Камень.

– Как и дочь моего духа, – тихо, слишком тихо отозвался Сэйтан.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать смысл сказанного. И тогда Кассандра дрожащими руками поднесла бокал к губам и залпом осушила его.

– Отк-куда ты...

– Она показала мне Камни, которыми ее одарили. Полный набор неграненых «светлых» Камней – и, кстати, в тот вечер я впервые услышал, чтобы об Эбеново-сером Камне отзывались как о «светлом». И тринадцать неграненых Черных.

Лицо Кассандры посерело. Сэйтан нежно взял ее руки в свои – они были холодны как лед. Потрясение, отразившееся в глазах женщины, его немало беспокоило. Именно она первой увидела этого ребенка в своей спутанной паутине. Именно она рассказала о нем Повелителю Ада. Неужели Кассандра увидела только приход Ведьмы, но так и не поняла, что именно грядет?

Сэйтан встал, набросил согревающее заклинание на свой плащ и закутал в него бывшую Ведьму, а затем подогрел вино в бокале язычком колдовского пламени. Когда Кассандра наконец перестала клацать зубами, он вернулся на свое место.

В ее изумрудно-зеленых глазах застыл вопрос, который она не могла задать вслух.

– Лорн, – тихо произнес Сэйтан. – Она получила Камни от Лорна.

Кассандра содрогнулась.

– Мать-Ночь! – воскликнула она и покачала головой. – Все должно было быть совсем не так, Сэйтан! Как же мы будем ее контролировать?

Повелитель Ада как раз наливал вино в другой бокал, и его рука дрогнула. Алая жидкость полилась на стол.

– Мы и не контролируем ее. Мы даже не пытаемся. – Кассандра в запале стукнула кулаком по столу. – Она ведь просто ребенок! Джанелль еще слишком юна, чтобы понять свою страшную силу, и совершенно не готова к тому, чтобы принять ответственность и обязательства, которые такое могущество возлагает на ее плечи. В этом возрасте она еще слишком уязвима для стороннего влияния.

Сэйтан едва не спросил, кого именно она имеет в виду, говоря о чужом влиянии, но перед его мысленным взором тут же появился образ Гекаты. Красивой, очаровательной, коварной и мстительной Гекаты, которая вышла за него замуж только потому, что была убеждена: он сделает ее по меньшей мере Верховной Жрицей Террилля и самой могущественной женщиной во всех трех Королевствах. Когда Сэйтан отказался подчиняться ее давлению и выполнять все желания, его супруга принялась плести интриги, пытаясь добиться цели, и спровоцировала войну между Терриллем и Кэйлеером, которая опустошила первую страну и заставила большую часть народов, населяющих вторую, закрыть свои земли для чужаков. Больше об этих расах никто не слышал.

Если Геката вцепится своими когтями в Джанелль и слепит из нее свое подобие – такую же жадную, честолюбивую и корыстную Ведьму...

– Ты должен научиться контролировать ее, Сэйтан, – произнесла Кассандра, внимательно наблюдавшая за ним.

Тот покачал головой:

– Боюсь, я не смог бы этого сделать, даже если бы захотел. Она окутана своего рода мягкой дымкой, сладостным, холодным, черным туманом. Я не уверен, что, даже несмотря на ее юность, я бы хотел узнать, что скрывается за этой чернотой, не получив на это сперва разрешения. – Понемногу начиная испытывать раздражение от пристального взгляда Кассандры, Сэйтан оглядел кухню и заметил примитивную картинку, приколотую к стене. – Откуда она у тебя?

– Что? Ах это... Джанелль принесла мне ее пару дней назад и попросила сохранить. Похоже, она была у подружки в гостях, там нарисовала ее, но не захотела приносить картинку домой. – Кассандра заправила выбившиеся волосы в косу. – Сэйтан, ты сказал, что девочку окружает черная, мягкая дымка... Но над Белдон Мором тоже повисла туманная завеса.

Сэйтан нахмурился, глядя на Кассандру. Какое ему может быть дело до погоды одного из городов? Эта картина скрывала в себе ответ на все вопросы. Осталось только его разгадать.

– Ментальная завеса, – пояснила бывшая Королева, постучав по столу костяшками пальцев. – Которая не дает войти в город демонам и Хранителям.

Сэйтан весь превратился в слух.

– Где находится Белдон Мор?

– На Шэйллоте. Это остров к западу отсюда. Его можно разглядеть с холма неподалеку от Святылища. Белдон Мор – столица страны. Я думаю, именно там живет Джанелль. Я пыталась отыскать способ войти...

Вот теперь она действительно безраздельно завладела его вниманием.

– Ты с ума сошла? – Он взъерошил пальцами свои густые черные волосы. – Если девочка приложила столько усилий, чтобы сохранить право на одиночество и личную жизнь, почему ты пытаешься вторгнуться в ее мир?

– Из-за того, что она собой представляет, – сквозь зубы пояснила Кассандра. – Я думала, ответ очевиден.

– Не вторгайся в ее личное пространство, Кассандра. Не давай Джанелль повода не доверять тебе. И причины *этого* тоже должны быть очевидны.

Несколько минут прошли в напряженном, оглушительном молчании.

Взгляд Сэйтана вновь упал на картину. Как творчески использованы эти яркие краски! Правда, как он ни пытался, ему так и не удалось понять, что именно пыталась изобразить Джанелль. Как мог ребенок, способный сотворить разноцветных бабочек, сдвинуть с места помещение вроде Великого Зала Ада и создать ментальную завесу, отгоняющую только определенных существ, быть таким безнадежным в простых основах Ремесла?

– Какая неуклюжесть... – прошептал Сэйтан, и его глаза удивленно расширились.

Кассандра утомленно взглянула на него:

– Она всего лишь ребенок, Сэйтан. Нельзя полагать, что у нее уже должны быть необходимые умения и навыки контроля моторики...

Женщина взвизгнула, когда Повелитель Ада неожиданно крепко схватил ее за руку.

– В этом-то и все дело! Для Джанелль делать вещи, которые требуют огромных затрат ментальной энергии, – все равно что рисовать на огромном куске бумаги цветными мелками, которые она может стиснуть в кулачке. А вот простые, незначительные вещи, с которых мы традиционно начинаем обучение, потому что они не требуют применения большой силы... Это то же самое, что попросить ее нарисовать картинку кисточкой толщиной в волос. Девочке просто не хватает мастерства, а также физического и психического контроля, чтобы делать это. – Он откинулся на спинку стула, торжествуя.

– Замечательно! – саркастически отозвалась Кассандра. – Значит, она не может двигать мебель в комнате, зато с легкостью уничтожит целый континент.

– Она бы никогда не сделала ничего подобного. Это не в ее характере.

– Откуда ты знаешь? Как ты собираешься ее контролировать?

Они снова вернулись к тому, с чего начали.

Сэйтан забрал свой плащ и набросил его на плечи.

– Я не собираюсь контролировать ее, Кассандра. Джанелль – Ведьма. Ни один мужчина не имеет права управлять Ведьмой.

Кассандра пристально посмотрела на бывшего Верховного Жреца:

– Тогда что ты собираешься делать?

Сэйтан поднял трость.

– Любить ее. Придется удовольствоваться этим. Думаю, будет вполне достаточно.

– А если нет?

– Другого выбора нет. – Он задержался в дверях. – Можно я буду заглядывать время от времени?

Улыбка вышла вымученной и не отразилась в глазах.

– Друзья так и делают.

Сэйтан вышел из Святилища, чувствуя в одно и то же время ликование и глубокую печаль. Когда-то он очень любил Кассандру, но не имел права требовать ничего сверх того, что, согласно Кодексу, Верховный Князь мог просить у Королевы.

Кроме того, эта женщина осталась в прошлом. А Джанелль – помоги ему Тьма – была будущим.

2. Ад

Спрыгнув с Черного Ветра, Сэйтан появился во внешнем дворе, где располагалась одна из официальных паутин для приема гостей в Цитадели. Она была вырезана из цельной плиты, а в центре сиял чистый Камень. Такие работали как маячки для тех, кто ездил верхом на Ветрах, – своего рода свеча, горящая в окне. В каждой подобной паутине непременно располагался один из чистых Камней. Это единственное применение, которое отыскивали им за многие века. Тяжело опираясь на трость, Сэйтан похромал по пустому двору к огромным кованым дверям, словно врезанным в саму гору, позвонил в колокол и принялся ждать. Скоро он войдет в Цитадель, Черную Гору, Эбеновый Аскави, где встречаются Ветра. Здесь располагалось хранилище истории Крови, а также святилище для носящих темнейшие Камни – и личные покои Ведьмы.

Двери бесшумно распахнулись. Джеффри, историк и библиотекарь Цитадели, ждал его за порогом.

– Повелитель. – Он слегка поклонился в знак приветствия.

Сэйтан вернул поклон:

– Джеффри.

– Прошло немало лет с тех пор, как ты в последний раз приезжал в Цитадель. Твое отсутствие не прошло незамеченным.

Сэйтан тихо фыркнул, и его губы изогнулись в едва заметной сухой улыбке.

– Другими словами, в последнее время от меня было не много толку.

– Другими словами, да, – согласился Джеффри, также улыбнувшись. Его взгляд на мгновение задержался на трости. – Итак, ты здесь.

– Мне нужна твоя помощь. – Сэйтан посмотрел на бледное лицо Хранителя. Его белый цвет неприятно поражал – особенно в сочетании с черными глазами, бровями и волосами. Последние были короткими и росли треугольником, острие которого находилось точно посередине лба. Джеффри обычно носил черную тунику и брюки. Другой особенностью его внешности были поразительные, алые как кровь губы, подобных которым Сэйтан никогда не видел – ни у женщин, ни у мужчин. Библиотекарь был последним представителем своей расы, давным-давно обратившейся в прах. Это произошло столько веков назад, что теперь уже никто и не помнил о ее существовании. Джеффри был очень стар уже тогда, когда Повелитель Ада впервые приехал в Цитадель в качестве консорта Кассандры. Тогда, как и теперь, он был главным историком и библиотекарем. – Мне необходимо отыскать некоторые древние легенды.

– Например, о Лорне?

Сэйтан резко остановился.

Джеффри обернулся. Его черные глаза были абсолютно непроницаемы.

– Ты видел ее, – произнес Сэйтан с ноткой ревности в голосе.

– Мы ее видели.

– Как, Дрейка тоже? – Сердце Повелителя сжалось при одной мысли о том, что Джанелль оказалась лицом к лицу с Сенешалем Цитадели. Дрейка стала смотрительницей Эбенового Аскави очень давно, задолго до того, как Джеффри пришел сюда. Она по-прежнему служила самой Цитадели, заботилась о том, чтобы работающим здесь ученым было удобно, и присматривала за Королевой, которой было необходимо достаточно темное место, чтобы отдохнуть. Дрейка была сдержанной до весьма неприятной холодности, которую использовала очень умело для защиты от тех, кто не мог без содрогания смотреть на человеческое тело с несомненными признаками происхождения от рептилий. Ледяной щит на сердце – такой способ защиты Сэйтан знал и понимал слишком хорошо.

– Они очень подружились, – заметил между тем Джеффри, пока мужчины шли по извилистым коридорам Цитадели. – Дрейка предоставила девочке гостевую комнату до тех пор, пока не закончится ремонт апартаментов Королевы. – Он открыл дверь библиотеки. – Сэйтан, ты ведь будешь обучать ее, верно?

Голос Джеффри прозвучал довольно странно, и Повелитель Ада обернулся, обретя вдруг свое бывшее проворство.

– А ты возражаешь? – Он поспешно скрыл раздражение, заметив неподдельную тревогу в глазах библиотекаря.

– Нет, – шепотом отозвался тот. – Я ничуть не возражаю. Мне... просто стало намного легче, – признался он и указал на книги, сложенные аккуратной стопкой на столе из черного дерева. – Я принес их сюда, предвидя твой скорый визит, но есть и другие тома, содержащие очень древние знания. Их я достану в следующий раз. Думаю, они тебе пригодятся.

Сэйтан устроился в кожаном кресле за большим черным столом и с благодарностью принял бокал ярбараха, предложенный Джеффри. Снова разболелась нога. Он не собирался так много ходить...

Повелитель взял верхнюю книгу из стопки и открыл ее на первой закладке. Лорн.

– Я смотрю, ты действительно это предвидел.

Джеффри присел на кресло у другого гонца стола, пролистывая другие книги.

– Кое-что. Но, разумеется, далеко не все.

Мужчины обменялись понимающими взглядами.

– Я могу тебе еще чем-нибудь помочь?

Сэйтан быстро выпил вино.

– Да. Мне нужна информация о двух ведьмах, которых зовут Моргана и Габриэль. – Он начал читать введение к главе о Лорне.

– Если они носят Камни, то должны быть в регистрационной книге Цитадели.

– Спорить могу, что ты отыщешь их среди более темных ступеней, – произнес Сэйтан, не отрывая взгляда от страницы.

Джеффри отодвинул кресло от стола.

– Какие Края?

– Что? А... Понятия не имею. Джанелль сама из Шэйллота, так что начни с пограничных Краев, в которых эти имена частенько встречаются.

– Сэйтан, – недовольно усмехнулся Джеффри. – Иногда от тебя столько же пользы, как от ведра с огромной дырой в днище. Ты не мог бы дать мне чуть больше информации, чтобы я знал, с чего начать?

В третий раз не дочитав один и тот же абзац до конца, Сэйтан раздраженно бросил:

– Возраст между шестью и восемью годами. А теперь ты дашь мне почитать?

Джеффри ответил на языке, которого Сэйтан не знал, но перевод ему не понадобился.

– Мне придется проверить и регистрационную книгу в Цитадели Террилля, так что может пройти немало времени, прежде чем поиски увенчаются успехом, даже если твои сведения окажутся хоть приблизительно верными. Что ж, угощайся ярбарахом.

Часы летели незаметно. Сэйтан прочел последний раздел, который для него отметил Джеффри, осторожно закрыл книгу и потер усталые глаза. Когда он наконец поднял голову, то увидел, что библиотекарь задумчиво смотрит на него. В черных глазах Джеффри застыло странное выражение. На столе лежали два журнала.

Сэйтан сцепил пальцы и опустил на них подбородок.

– Ну?

– Ты правильно назвал имена и возраст, – тихо произнес Джеффри.

И вновь у Сэйтана появилось неприятное ощущение, словно вдоль позвоночника кто-то провел холодным как лед пальцем.

– И что это значит?

Джеффри медленно, словно нехотя открыл первую книгу на закладке.

– Моргана. Королева, которая носит Лиловый Сумрак по Праву рождения. Почти семь лет. Живет в деревеньке Магре на острове Шельт в Королевстве Кэйлеер.

– Кэйлеер! – Сэйтан попытался вскочить, но больная нога подкосилась. – Как, во имя Ада, Джанелль ухитрилась пробраться в Царство Теней?!

– Возможно, так же, как ей удалось попасть в Темное Королевство. – Джеффри открыл второй журнал и осторожно уточнил: – Сэйтан, ты ведь хорошо ее обучишь, верно? – Он не стал дожидаться ответа и начал читать: – Габриэль. Королева, которая носит Опал по Праву рождения. Семь лет. Есть серьезные причины полагать, что она является Черной Вдовой от природы. Живет в Королевстве Кэйлеер в Краю Деа аль Мон.

Сэйтан опустил голову на руки и громко застонал. Дети Леса. Она видела Детей Леса, представителей самой жестокой и замкнутой расы, когда-либо существовавшей в Кэйлеере.

– Это невозможно, – произнес он, наконец поднимая голову и упираясь руками в стол. – Ты совершил ошибку.

– Никакой ошибки нет.

– Она живет в Террилле, а не в Кэйлеере. Это точно ошибка.

– Никакой ошибки нет.

Ледяное дуновение прошло вниз по спине вдоль позвоночника, превратившись в холодный ком в животе.

– Это невозможно, – повторил Сэйтан, четко выговаривая каждый слог. – Деа аль Мон не пускают в свой Край чужаков. Никогда и никого.

– Похоже, они сделали исключение.

Сэйтан покачал головой:

– Это невозможно.

– Невозможно отыскать Лорна, – резко ответил Джеффри. – Или дерзко бродить по Аду. Да, мы знаем и об этом. Когда она была здесь в прошлый раз, ее сопровождал Чар.

– Маленький ублюдок, – пробормотал Сэйтан.

– Ты просил, чтобы я нашел Моргану и Габриэль. Я отыскал их. Что ты будешь делать теперь?

Сэйтан устремил взгляд в потолок:

– А что, по-твоему, я должен сделать, Джеффри? Может, заберем ее из дома? Заключим в Цитадель до совершеннолетия? – Он невесело рассмеялся. – Можно подумать, у нас что-то получится. Единственный способ заставить ее оставаться на месте – это убедить в том, что выход найти невозможно, исказить все ее инстинкты, разрушить их, чтобы она была не уверена ни в чем. Скажи, ты хочешь стать тем ублюдком, который будет виноват в подобном эмоцио-

нальном избиении? Я этого делать не стану. Клянусь Тьмой, Джеффри, пришла живая легенда, и это цена, которую требуется заплатить за ее присутствие в нашем мире.

Библиотекарь медленно закрыл оба журнала.

– Ты, разумеется, прав... но... скажи, ты совсем ничего не можешь сделать?

Сэйтан закрыл глаза.

– Я буду учить ее. Я буду служить ей. Я буду любить ее. Этого должно быть достаточно.

3. Террилль

Сюрреаль прошла через парадные двери «Красной Луны Дедже» в Белдон Море, коротко улыбнулась мускулистому охраннику в красной ливрее и направилась по мраморному полу, усыпанному цветами, к приемной. Оказавшись там, она принялась нервно звонить в медный колокольчик на столе.

Дверь с табличкой «Посторонним не входить» резко распахнулась, и в приемную торопливо вышла женщина средних лет с пышными формами. Стоило ей увидеть Сюрреаль, как нахмуренные брови разгладились, словно по волшебству, а глаза расширились от радостного удивления.

– Значит, ты наконец вернулась! – Дедже достала из-под стола толстую стопку небольших карточек и помахала ими перед носом гостыи. – Заказы клиентов. Все поголовно согласны заплатить требуемую цену – а ведь ты известна своими грабительскими замашками! – и хотят получить услуги на всю ночь.

Даже не потрудившись взять карточки, Сюрреаль небрежно поворошила стопку кончиком пальца.

– Если я приму их всех, то застряну здесь на несколько месяцев!

Дедже склонила голову набок:

– А что, это так уж страшно?

Сюрреаль усмехнулась, но в ее золотисто-зеленых глазах появилось странное жесткое и хищное выражение.

– Я никогда не получала бы запрашиваемую цену, если бы мои... – она снова поворошила пальцами карточки, – друзья считали, что я всегда буду неподалеку. А это бы сильно снизило и твою прибыль.

– Это верно, – со смехом отозвалась Дедже.

– Кроме того, – продолжила Сюрреаль, заправив свои черные волосы за изящные заостренные ушки, – я пробуду здесь всего несколько недель и не собираюсь трудиться без передышки. Я отработаю достаточно дней, чтобы заплатить за комнату и стол, а остальное время хотела бы провести, осматривая достопримечательности.

– И сколько потолков ты хотела бы посмотреть? В нашем деле только их и видишь.

– Ну что ты, Дедже! – воскликнула Сюрреаль, обмахиваясь веером. – Это же чистой воды заблуждение! Иногда мне еще удается рассмотреть узоры на шелковых простынях.

– Ты всегда могла бы заняться верховой ездой, – произнесла Дедже, убрав бумаги обратно в ящик стола. – Я слышала, здесь есть прекрасные маршруты – за пределами центра города.

– Нет уж, спасибо. Когда я заканчиваю работать, то больше никого не желаю оседлывать. Ты хочешь, чтобы я начала сегодня же?

Дедже пригладила свои темные волосы, уложенные в причудливую прическу.

– Уверена, сегодня найдется человек, который бросит все свои дела ради такого случая и будет с нетерпением ждать вечера.

Они улыбнулись друг другу.

Дедже призвала тонкую кожаную папку и достала оттуда лист дорогого пергамента.

– Хм... надо же. Аншлаг. К тому же всегда находятся один-два человека, которые приходят неожиданно, убежденные, что таким важным персонам место найдется и без бронирования.

Сюрреаль облокотилась на стол, опустив голову на ладони.

– У тебя потрясающий повар. Возможно, все они просто хотят здесь поужинать.

Дедже лукаво ухмыльнулась:

– Что ж, я пытаюсь помочь своим клиентам удовлетворить их голод.

– А если закуски разобрали, сгодятся и основные блюда.

Дедже рассмеялась, и ее заколыхавшийся бюст едва не вывалился из низкого выреза платья.

– Отлично сказано. Вот, смотри, – произнесла она, указывая на одно из имен в списке. – Я помню, как ты говорила, что не имеешь ничего против него. Бедняга наверняка уже изголодался, но он ценит закуски ничуть не меньше основных блюд.

Сюрреаль кивнула:

– Да, он прекрасно подойдет. Предоставишь одну из садовых комнат?

– Разумеется. Я внесла некоторые перемены в интерьер за время твоего отсутствия. Думаю, тебе понравится. Ты умеешь ценить подобные мелочи. – Дедже потянулась к одному из многих маленьких углублений в стене за ее столом и извлекла оттуда ключ. – Думаю, вот эта тебя вполне устроит.

Сюрреаль подбросила ключ на ладони.

– Полагаю, ужин лучше всего заказать прямо в номер. Там есть меню? Замечательно. В таком случае сделаю заказ заранее.

– Послушай, как ты ухитришься запоминать их вкусы и пристрастия? Особенно если учесть, что они из разных стран, в каждой из которых свои обычаи?

Сюрреаль изобразила обиду.

– Дедже, ты же и сама немало времени проводила в подобных комнатах, пока не стала слишком амбициозной для такой работы. Ты ведь прекрасно понимаешь, что именно для этого и существуют маленькие черные книжечки.

Дедже взмахнула рукой, отгоняя Сюрреаль от стола:

– Прочь отсюда. У меня еще куча работы – и у тебя, кстати, тоже.

Сюрреаль прошла по широкому коридору. Ее острый взгляд зорко осматривал комнаты по обе стороны. Она сказала чистую правду – Дедже и впрямь была амбициозна. Хозяйка начала с кучки ценных подарков от довольных клиентов, купила особняк и превратила его в лучший дом Красной Луны в округе. И, в отличие от других подобных заведений, у Дедже мужчина мог обрести нечто большее, нежели просто согретую кем-то постель. Здесь была небольшая частная столовая, в которой всю ночь подавали великолепную еду, и приемная, где обычно собирались люди более аристократического склада, имевшие привычку спорить о высоком, угощаясь изысканными закусками и дорогим вином. Дедже не забыла и о бильярдной, где собирались власть имущие, чтобы спланировать свой следующий шаг в придворных интригах, а также библиотеке с прекрасным собранием книг и удобными мягкими креслами. И разумеется, два вида кабинетов: в одних мужчины могли наслаждаться изысканными благами – ужином, профессиональным массажем и покоем; в других клиентов ждали женщины, готовые удовлетворить иные плотские потребности.

Сюрреаль отыскала свою комнату, заперла дверь и внимательно осмотрелась, одобрительно кивая. Мягкие толстые ковры, белые стены, на которых висят со вкусом подобранные акварельные картины, темная мебель, огромная постель с газовым пологом, музыкальные сферы и вычурные медные подставки под ними. Раздвижные стеклянные двери вели в огороженный маленький садик с небольшим фонтаном и милыми ивовыми деревьями, между кото-

рыми росли ночные цветы. Были здесь и ванная с душем, и небольшой резервуар для горячей воды, встроенный в пол перед окном, выходящим в сад.

– Очень хорошо, Дедже, – одобрительно произнесла Сюрреаль. – Очень, очень хорошо.

Она быстро устроилась в комнате, попросив горничную принести ее рабочую одежду, и бережно развесила вещи в гардеробе. Сюрреаль обычно не брала с собой много багажа – ровно столько, чтобы удовлетворить разные вкусы обитателей того Края, где она в данный момент находилась. Большинство ее вещей хранились как минимум в дюжине тайников, раскиданных по всему Терриллю.

Она подавила невольную дрожь. Лучше не думать о тех тайниках. И еще лучше не вспоминать о *ней*.

Открыв стеклянные двери, чтобы слышать нежное журчание воды в фонтане, Сюрреаль опустилась в кресло, поджав ноги под себя. Одно движение запястья – в воздухе появились две книги в черных кожаных переплетах и зависли прямо у нее под носом. Она взяла одну из них и пролистала до последней исписанной страницы, а затем призвала ручку и внесла пару дополнений.

Контракт был выполнен. Правда, смерть оказалась не такой долгой, как она надеялась, но тем не менее боль была изысканна и бесподобна. И плата оказалась весьма неплохой.

Она заставила первую книгу исчезнуть, затем открыла вторую на необходимой странице, выписала нужные блюда из меню и одним неуловимым движением кисти отправила заказ на кухню. Повинуясь ее воле, эта книга тоже испарилась. Тогда Сюрреаль поднялась на ноги и потянулась. Еще одно движение рукой – и она ощутила знакомую тяжесть рукоятки кинжала, удобно легшей в ладонь; тонкий клинок поблескивал, успокаивая. Повернув запястье, она заставила нож исчезнуть и хлопнула в ладоши. Да, этот клиент – именно то, что ей сегодня нужно. Он никогда не доставлял неприятностей. Кроме того – и Сюрреаль улыбнулась, погрузившись в приятные воспоминания, – именно она обучила его тогда... сколько же лет прошло? Двенадцать? Четырнадцать?

Она быстро приняла душ, заколола волосы так, чтобы их можно было с легкостью распустить, нанесла макияж и облачилась в прозрачное платье, которое скрывало ровно столько, сколько нужно. Наконец, стиснув зубы и приготовившись к неизбежному, она подошла к вертикальному зеркалу и оглядела лицо и тело, которые ненавидела всю свою жизнь.

Идеальные, точеные черты, высокие скулы, тонкий, благородный нос и большие золотисто-зеленые глаза, которые подмечали всё, но ничего не открывали. Ее стройное, гармоничное тело казалось обманчиво хрупким – на самом деле Сюрреаль обладала крепкими мышцами, которые закалила за годы, чтобы всегда быть в прекрасной форме для своего ремесла. Но наибольшее неудовольствие девушки вызывала ее прекрасная загорелая светло-коричневая кожа. Хейллианская кожа. Наследство ее отца. Она бы с легкостью сошла за хейллианку, если бы распустила волосы и нацепила темные очки, чтобы скрыть цвет глаз. По ним можно было бы сразу определить, что она – полукровка, поскольку, как и ушки с изящными заостренными кончиками, достались ей от Тишьян.

Тишьян, происходившая из расы, других представителей которой Сюрреаль ни разу не встретила, несмотря на свои странствия по Терриллю. Тишьян, сломавшаяся на копье Картана Са-Дьябло. Тишьян, сбежавшая и зарабатывавшая на жизнь проституцией, чтобы отец не смог найти и уничтожить своего ребенка, которого она носила. Тишьян, которую однажды нашли с распоротым горлом и похоронили в могиле без каких-либо опознавательных знаков.

Все те убийства, все эти мужчины, получившие по заслугам, были лишь прелюдией, своего рода репетицией перед запланированным отцеубийством. Однажды Сюрреаль встретит Картана в нужном месте в нужное время – и тогда наконец оплатит ему за Тишьян.

Она отвернулась от зеркала и отогнала непрошенные воспоминания. Услышав тихий стук в дверь, Сюрреаль встала в центре комнаты, чтобы гость увидел ее сразу же, едва переступив порог. Тогда она тоже сможет понаблюдать за ним, чтобы мысленно распланировать вечер.

Прибегнув к Ремеслу, она открыла дверь, прежде чем он повернул ручку, и позволила тонким импульсам обождения хлынуть из каждой клеточки ее тела, подобно экзотическим духам. Женщина раскрыла объятия и улыбнулась, когда за спиной мужчины щелкнул дверной замок.

Он поспешил прямо к ней, излучая желание. Серый Камень, висевший у него на шее, полыхал внутренним огнем. Сюрреаль положила руки ему на грудь, заставив своего гостя замечать на месте, лаская его нежными прикосновениями. Тот дышал тяжело, сжимая и разжимая кулаки. Однако он не тронул ее.

Удовлетворенная, Сюрреаль скользнула к небольшому столику, стоявшему возле стеклянных дверей, и отправила на кухню мысленный приказ. Через мгновение появились два охлажденных бокала и бутылка вина. Разлив благородный напиток, она подала один бокал клиенту и подняла свой, приветствуя гостя.

– Филип.

– Сюрреаль.

Его голос был хриплым от страсти.

Женщина сделала небольшой глоток.

– Тебе нравится вино?

Тот одним глотком осушил полбокала.

Сюрреаль скрыла улыбку. Интересно, кого он хотел на самом деле, но не мог заполучить? Кого представлял на ее месте, закрывая окна занавесками и выключая свет, чтобы можно было удовлетворить свою страсть, цепляясь за иллюзии?

Ужин прошел неторопливо. Сюрреаль позволила Филипу пожирать ее глазами, пока тот пил вино и угощался изысканными деликатесами. Как всегда, он отвечал уклончиво и неопределенно, при этом рассказывая больше, чем намеревался или хотя бы осознавал.

Филип Александр. Князь, носящий Серый Камень. Красивый мужчина с волосами цвета пустынного песка и честными, усталыми серыми глазами, в которых сквозило смутное беспокойство. Сводный брат Роберта Бенедикта, участника одной политической кампании, связавшего себя с Хейллем... с Картаном. Роберт носил всего лишь Желтый, однако он был законным сыном, наследником отцовского имени и богатства. Филип, моложе его всего лишь на пару лет, никогда не был официально признан отцом и воспитывался как помощник своего брата. Устав наконец играть роль благодарного бастарда, он порвал все связи с семьей и стал консортом Александры Анжеллин, Королевы Шэйллота.

Изысканное, едва уловимое отравление и искажение культуры, происходившее на протяжении нескольких поколений, позволило мужчинам Крови Шэйллота извратить матриархальное правление, превратить его в нечто неестественное. Они вырвали истинную власть над Краем у Королевы, поэтому Александра была лишь пешкой в их политической игре. И все же она оставалась Королевой Шэйллота и носила Опал. И это тоже было довольно странно. Точнее, необычно. Ходили слухи, что она по-прежнему была связана с ковром Песочных Часов, несмотря на то что Черные Вдовы были объявлены вне закона мужчинами Крови, стоявшими у власти. Ее единственная дочь, Леланд, стала женой Роберта Бенедикта.

И они все жили вместе в поместье Анжеллин в Белдон Море.

Сюрреаль играла в эту игру с неспешным ужином так долго, как могла, прежде чем перейти непосредственно к постельным утехам. Князь, носящий Серый и слишком долго обходившийся без удовлетворения, мог оказаться довольно грубым партнером, но это ее не заботило. Она тоже носила Серый, правда, не для этой работы. В спальне Сюрреаль надевала Зеленый, принадлежащий ей по Праву рождения, либо вовсе снимала Камни, давая клиен-

там возможность ощутить свою власть над ней. И все же сегодня не стоит возражать против небольшой грубости – Филип был одним из немногих мужчин, которых она знала, желавших не только получать удовольствие, но и дарить его.

Да, ночь с Филипом будет идеальным началом ее пребывания здесь.

Сюрреаль затушила свечи, повергая комнату в дымный полумрак. Теперь он не спешил. Филип прикоснулся к ней, пробовал на вкус, наслаждался. И она, незаметно управляя им, наконец позволила мужчине сделать то, ради чего он пришел сюда.

Уже рассвело, когда Филип оделся и поцеловал ее на прощание.

Сюрреаль невидящим взглядом смотрела на газовый полог. Полученное им удовольствие стоило этих денег – и даже, возможно, больших. К тому же он сумел отвлечь ее от воспоминаний, которые в последнее время донимали девушку все чаще. Собственно, они и побудили ее приехать в Шэйллот. Воспоминания о Тишьян, о Терсе... и о Садисте.

Сюрреаль было всего десять лет, когда Тишьян однажды вечером привела домой Терсу и уложила оборванную ведьму в свою собственную постель. Безумная Черная Вдова оставалась с ними на протяжении нескольких дней, и Тишьян часами слушала ее бред, перемежаемый странными шутками и загадочными пророчествами.

Через неделю после ухода Терса вернулась с самым холодным и вместе с тем красивым мужчиной, которого когда-либо доводилось видеть Сюрреаль. Так она впервые встретила Верховного Князя. Он ничего не говорил, позволив Терсе болтать в свое удовольствие, а сам наблюдал за Тишьян. Каждый раз, когда взгляд его падал на дрожащую девочку, прильнувшую к матери, у маленькой Сюрреаль появлялось такое впечатление, словно на коже остаются ожоги.

Наконец Терса перестала говорить и дернула мужчину за рукав:

– Дитя принадлежит Крови и должно быть обучено Ремеслу. У нее есть право носить Камни, если девочка докажет, что достаточно сильна. Прошу тебя, Деймон.

Глаза Верховного Князя сузились – он принял решение. Из внутреннего кармана куртки он вынул несколько золотых банкнот на сотни марок и бережно положил их на стол. Призвав лист бумаги и перо с чернильницей, мужчина нацарапал несколько слов и положил записку и ключ на деньги.

– Это не самое элегантное жилье, но там тепло и чисто.

От звука его глубокого, низкого голоса по спине Сюрреаль пробежала сладостная дрожь.

– Дом находится в нескольких кварталах отсюда, там никто не будет задавать вопросы. Здесь имена потенциальных учителей для девочки. Это хорошие люди, но они не угодили власть имущим. Можете оставаться там столько, сколько захотите.

– А как насчет цены? – Мягкий, мелодичный голос Тишьян наполнился льдом.

– Не отказывай Терсе в убежище, когда бы она ни оказалась в этой части Королевства. Я не стану пользоваться этим жильем, пока ты будешь там, но Терса должна иметь возможность укрыться в местечке, которое я подыскал для нее с самого начала.

На том и порешили, и через несколько дней Сюрреаль и Тишьян оказались в первом пристойном доме из всех, в которых девочке когда-либо доводилось жить. Хозяин дрогнувшим голосом сообщил им, что за жилье уже уплачено. Деньги, оставленные Деймоном, пошли на хорошую еду и теплую одежду, и Тишьян, преисполнившись благодарности, поняла, что еще долго можно не пускать мужчин на порог ее дома.

Следующей весной, когда Сюрреаль начала добиваться успехов в обучении, вернулась Терса и отвела девочку в ближайшее Святилище, где была проведена церемония, устанавливающая Право рождения. Она вернулась домой, гордо сжимая в кулачке негранный Зеленый Камень.

Тишьян со слезами на глазах осторожно завернула его в мягкую ткань и положила в странную резную деревянную шкатулку.

– Неграненый Камень – большая редкость, маленькая Сестра, – произнесла Тишьян, вынув что-то из шкатулки. – Подожди до того момента, когда наконец узнаешь, кто ты есть, прежде чем решишь подобрать оправу, и он будет не просто вместилищем силы, которую твое тело не в силах сдерживать; Камень будет говорить без слов о том, что ты есть. А пока, – произнесла она, надевая дочери на шею серебряную цепочку, – это поможет тебе начать. Раньше она была моей. Ты не дитя луны, золото подошло бы гораздо больше. Но это первый шаг вперед по долгой дороге.

Сюрреаль опустила глаза на свой Зеленый Камень. Серебряная оправа закруглялась и изгибалась двумя оленьими рогами, удерживающими неграненый камень. Кончики переплетались сверху, скрывая кольцо, через которое пропусклась цепь. Она рассматривала украшение, и кровь тихо напевала, ускоряя свой бег по венам. Слабый зов, источника которого она не могла определить.

Тишьян наблюдала за дочерью.

– Если ты когда-нибудь столкнешься с моим народом, они узнают тебя по этому Камню.

– А почему мы не можем отправиться к ним?

Тишьян только покачала головой и отвернулась. Эти два года оказались сложными для Сюрреаль. Днем она усердно занималась с наставниками – один обучал ее Ремеслу, второй – основным предметам, необходимым для общего образования. Ночью Тишьян обучала ее совсем иным вещам. Даже сломленная, ее мать по-прежнему не знала себе равных в искусстве обращения с ножом, и в ней все время нарастало беспокойство. Можно было подумать, она ожидает чего-то, и это заставляет ее безжалостно нагружать дочь тренировками.

Однажды, когда Сюрреаль было всего двенадцать, она вернулась домой и обнаружила, что дверь квартиры приоткрыта. Тишьян лежала на полу в гостиной с перерезанной глоткой. Ее кинжал с роговой рукояткой валялся неподалеку. Стены пульсировали, испуская волны жестокости и гнева... и предупреждения: беги, беги, беги...

Сюрреаль задержалась лишь на мгновение, а затем бросилась в спальню матери и вытащила из тайника резную шкатулку со своим Камнем. Спотыкаясь, она вернулась в гостиную, подхватила кинжал и сделала эти вещи невидимыми, как ее и учили. Только тогда девочка убежала из дома, оставив свою мать и неизвестного преследователя позади.

Тишьян исполнилось всего двадцать пять.

Меньше чем через неделю после смерти матери Сюрреаль впервые была пронзена мужским копьём. Продолжая тщетно сопротивляться, она увидела, что падает в длинный, темный туннель, держась за путеводную ниточку тьмы. На уровне Зеленого оказалась сверкающая паутина, протянутая поперек туннеля. Падая и не имея никакой власти над своим продвижением, поскольку боль вторжения лишала разума и окрашивала стены алым, Сюрреаль вспомнила Терсу. Вспомнила Тишьян. Если она сейчас врежется в свою внутреннюю сеть, подчиняясь бесконтрольному движению, то вернется в реальный мир лишь тенью себя, вечно оплакивая потерю Дара и того, чем она могла бы стать.

Воспоминания о Тишьян дали девочке внутреннюю силу, чтобы противостоять вторжению, но с каждым рывком она оказывалась все ближе и ближе к своей внутренней сети. Она держалась из последних сил, вкладывая в борьбу все сердце и душу. Когда толчки прекратились... когда эта попытка наконец закончилась... она оказалась на расстоянии ладони от самоуничтожения.

И здесь ее разум сжался в комочек, вымотавшись окончательно. Когда мужчина оставил ее, она заставила себя подняться. Физическая боль по-прежнему была острее кинжала, а простыни оказались перепачканы кровью, зато она была невредима в самом важном смысле. Она по-прежнему носила Камень. По-прежнему была ведьмой.

А через месяц девушка совершила первое в своей жизни убийство.

Он был таким же, как остальные. Отвел ее в комнату, добился своего и расплатился медной маркой, которую едва бы хватило на еду на завтра. Ненависть к мужчинам, которые использовали ее и Тишьян, обратилась в лед. Поэтому, когда толчки стали сильнее, а мужчина изогнулся и его грудь оказалась прямо над ней, она призвала кинжал с роговой рукояткой и ударила его прямо в сердце. Его жизненная сила перетекала в нее одновременно с брызнувшей фонтаном кровью.

Используя Ремесло, Сюрреаль столкнула его тяжелое тело с себя. Что ж, этот не станет ее бить и не откажется заплатить требуемую цену. Эта мысль принесла восторг.

Три года она бродила по улицам. Ее детское тело и необычная внешность приманивали самых омерзительных и низких мужчин. Но ее умение обращаться с ножом вскоре стало известным, и мудрые клиенты предпочитали платить Сюрреаль вперед.

Три года. А потом однажды, ковыляя по очередной аллее, которую она только что проверила мысленным импульсом и убедилась, что здесь никого нет, девушка ощутила позади чье-то присутствие. Резко развернувшись, сжимая рукоятку кинжала, она уставилась на Деймона Сади, прислонившегося к стене и наблюдавшего за ней. Не раздумывая, она помчалась прочь, надеясь убежать от него, и врезалась в мысленный щит, удерживавший девушку в плену до тех пор, пока его рука не схватила ее за запястье. Деймон ничего не сказал. Он просто поймал нужный ему Ветер и потянул Сюрреаль за собой. Никогда не путешествовавшая по Паутинам, Сюрреаль вцепилась в него мертвой хваткой, окончательно потерявшись.

Через час она сидела за кухонным столом на кое-как обставленном чердаке в другой части Королевства. Терса суежилась рядом, уговаривая девушку поесть, а Деймон наблюдал за ней, попивая вино из бокала.

Слишком взволнованная, чтобы есть, Сюрреаль бросила ему:

– Я шлюха.

– И притом не очень хорошая, – невозмутимо отозвался Деймон.

Вне себя от ярости, Сюрреаль разразилась потоком ругательств и наградила его всеми грязными эпитетами, которые знала.

– Вот видишь, о чем я говорю? – со смехом спросил тот, когда она наконец замолчала.

– Я буду тем, что есть.

– Ты – дитя разных кровей. Отчасти хейллианской, – произнес он, покрутив бокал в пальцах. – Представители народа, к которому принадлежала твоя мать, живут... сколько, сто, двести лет? Ты можешь провести на этой земле две тысячи или даже больше. Неужели ты хочешь прожить все эти годы, собирая отбросы в переулках и ночуя в грязных каморках? Есть и другие места, где можно заниматься подобным ремеслом – и получать хорошие комнаты, нормальную еду и приличные деньги. Разумеется, ты сначала будешь только ученицей, но я знаю одно местечко, куда тебя точно возьмут и сделают настоящим профессионалом.

Следующие несколько минут Деймон составлял список. Закончив, он положил лист бумаги перед Сюрреаль.

– Женщина, имеющая образование, может проводить куда больше времени сидя на стуле, а не лежа на спине. Неплохое преимущество, на мой взгляд.

Сюрреаль с беспокойством устремила взгляд на список. Там перечислялись необходимые предметы – литература, языки, история. А в самом низу страницы оказался перечень дел, которые больше соответствовали умению обращаться с ножом, нежели торговать телом.

Когда Терса убрала со стола, Деймон поднялся и навис над Сюрреаль. Его грудь коснулась ее спины, а теплое дыхание теперь щекотало заостренное ушко девушки.

– Утонченность и изысканность, Сюрреаль, – шепнул он. – Коварство – это страшное оружие. Есть и другие способы перерезать глотку человеку, не омывая при этом стены его кровью. Если ты пойдешь по прежнему пути, рано или поздно тебя отыщут. Существует столько

способов лишить мужчину жизни... – Он рассмеялся, но в этом звуке затаилась жестокость. – Некоторые умирают, потому что у них нет любви, другие – потому что получили ее. Подумай об этом.

Сюрреаль отправилась в дом Красной Луны. Хозяйка и другие женщины, работающие там, обучили ее искусству постельных утех. Остальное она постепенно узнала сама. Через десять лет Сюрреаль стала самой дорогой шлюхой в этом доме – и постепенно начал расти спрос и на другое ее ремесло.

Девушка объехала весь Террилль, предлагая свои услуги лучшим домам Красной Луны в более или менее крупных городах и осторожно принимая контракты, связанные со своей второй профессией, которая оказалась более сложной и приносила гораздо больше удовлетворения. Она носила с собой набор ключей от городских домов, гостиничных номеров, чердаков, некоторые из которых располагались в богатых районах, другие – в тихих, боковых улочках, где никто не задавал никаких вопросов. Иногда Сюрреаль встречала Терсу и тогда помогала ей, чем могла.

А иногда она делила жилье с Сади, когда тому удавалось ускользнуть из очередного двора, где он служил, чтобы провести тихий вечер в более приятной компании. Это было прекрасное время. Деймон обладал обширными познаниями, и временами, когда у него появлялось желание поговорить, они могли беседовать часами. Его золотистые глаза всегда светились удовольствием, и в них появлялось теплое выражение братской любви.

Почти триста лет они встречались и расставались, чувствуя себя вполне комфортно друг с другом. До той самой ночи, когда, уже изрядно навеселе, она выпила еще бутылку вина, наблюдая за Деймоном, читавшим книгу. Он удобно устроился в кресле, расстегнув верхние пуговицы рубашки и опустив босые ноги на мягкую скамеечку. Черные волосы растрепались, что было совсем на него не похоже.

– Знаешь, я тут подумала... – произнесла Сюрреаль, одарив его пьяненькой улыбкой.

Деймон поднял взгляд от книги. Одна бровь изогнулась, а уголки губ приподнялись в ухмылке.

– Ты подумала?

– Не пойми меня превратно, это просто профессиональное любопытство. Знаешь ли, о тебе много говорят в домах Красной Луны.

– В самом деле?

Она не заметила, как в комнате повеяло холодом, а золотистые глаза неожиданно изменили свой цвет на зловещий желтый. Ей не удалось распознать и опасную мягкость в его голосе. Сюрреаль только улыбнулась Деймону:

– Да ладно тебе, Сади, это будет завершающий штрих в моем мастерстве, так сказать, профессиональное совершенствование. Нет ни одной шлюхи во всем Королевстве, которая знала бы из первых рук, как именно ублажают хейллианские...

– Будь осторожнее со своими просьбами. Можно получить желаемое.

Девушка рассмеялась и потянулась, изогнувшись. Заострившиеся от неожиданного возбуждения соски соблазнительно просвечивали сквозь тонкую ткань блузки. Только когда Деймон с осторожностью и быстротой хищника выбрался из кресла и прижал девушку к себе, заломив ей руки за спину, она осознала, как опасно было его подначивать. Вцепившись в длинные волосы и натянув их так сильно, что на глазах Сюрреаль выступили слезы, Деймон заставил ее поднять голову. Его рука сжимала ее запястья все крепче – до тех пор, пока она не всхлипнула от боли. А потом он поцеловал ее.

Сюрреаль ожидала жестокого, болезненного поцелуя, поэтому нежность и мягкость его губ окончательно ее перепугали. Она не знала, что думать и чувствовать, когда сильные руки намеренно причиняли боль, а мягкие губы убеждали поддаться, принося наслаждение. Когда Деймон наконец убедил ее приоткрыть рот, одно легкое прикосновение языка к языку загло

настоящий пожар между ног девушки. Девушка почувствовала, что больше не может стоять, и обмякла.

Деймон раздевал ее с ужасающей медлительностью, сводящей с ума. Длинные ногти то и дело касались подрагивающей и покрывающейся мурашками кожи, когда он целовал и лизал ее, избавляясь от ненужной ткани. Это было мучительное удовольствие.

Когда Сюрреаль наконец осталась обнаженной, он подвел ее к постели. Ментальные путы стянули ее запястья и заставили поднять руки над головой. Точно такие же узы развели ноги в стороны. Когда Деймон встал рядом с кроватью, девушка впервые осознала, что вокруг разливается холодный, безжалостный гнев... и нежный, управляемый чужим сознанием весенний ветерок, по-прежнему отравленный дыханием зимы, пробегает по всему ее телу, лаская груди, живот, ласково раздвигая волоски между ног и устремляясь вниз по внутренней стороне бедер. Затем легкое, чувственное дуновение вернулось вверх по ногам, поднялось по ребрам к шее и пустилось в обратный путь.

Это продолжалось невыносимо долго, заставляя отчаянно желать прикосновения, которое принесет с собой освобождение.

– Пожалуйста! – со стоном взмолилась она, пытаясь прекратить беспощадную ласку.

– Пожалуйста – что? – вкрадчиво уточнил Деймон, избавляясь от одежды.

Она голодными глазами наблюдала за ним, ожидая наконец узреть доказательство его возбуждения и удовольствия. Потрясение, вызванное видом Кольца Повиновения на обмякшем органе, заставило ее мгновенно осознать, что гнев, бурлящий вокруг, изменился. Как и его улыбка.

Когда мужчина вытянулся рядом на постели и она ощутила прикосновение теплого, твердого тела, кажущегося прохладным из-за пышущего в ней самой жара, когда Сюрреаль почувствовала, как его сильная рука касается ее точно так же, как до того призрачная, управляемая лишь мыслью, девушка наконец поняла, какое чувство повисло в воздухе, наполняя собой его улыбку и глаза.

Презрение.

Деймон играл с ужасающей серьезностью. Каждый раз, когда умелые руки или язык дарили ей наслаждение, невесомая вуаль чувственности срывалась с ее сознания, заставляя пить новую порцию его презрения. Когда Деймон довел девушку до пика в последний раз, она подставила ему бедра, при этом умоляя прекратить. Его холодный, колющий смех сжимал ее ребра до тех пор, пока она не почувствовала, что задыхается. И когда Сюрреаль начала наконец скользить в сладостное наслаждение экстаза, не чувствуя уже почти ничего, он остановился.

Все прекратилось.

Когда в голове немного прояснилось, девушка услышала шум воды в ванной. Через несколько минут в комнате появился Деймон, полностью одетый, вытирая лицо полотенцем. Между ног Сюрреаль пульсировало страстное желание, тело отчаянно требовало заполнения, хотя бы раз. Она взмолилась о пощаде.

Деймон улыбнулся своей холодной, жестокой улыбкой:

– Что ж, теперь ты знаешь, каково оказаться в постели с Хейллианской Проституткой.

Сюрреаль начала плакать.

Деймон бросил полотенце на стул.

– На твоём месте я не стал бы пытаться использовать дилдо, – непринужденно и любезно произнес он. – Хотя бы пару дней. Это не поможет, только станет гораздо хуже. – Деймон снова улыбнулся и вытгтел.

Она не знала, как долго его не было. Вскоре путы на ее запястьях и лодыжках исчезли, и Сюрреаль перевернулась на бок, прижала колени к груди и зарыдала, выплескивая стыд и гнев.

Она начала бояться Деймона, ей было страшно вновь ощутить его присутствие, когда девушка открыла дверь. Однако теперь мужчина вел себя отстраненно-вежливо, говорил редко и ни разу больше не взглянул на нее с прежним теплом.

Сюрреаль устала на газовый полог. Это случилось пятьдесят лет назад, и он так и не простил ее. А теперь... Она содрогнулась. Теперь, если слухи правдивы, с ним произошло нечто совершенно ужасное. Ни один двор не держал его у себя дольше чем несколько недель. К тому же слишком многие люди Крови исчезали, и о них больше никто ничего не слышал.

Он был прав. Существовало очень много способов расстаться с жизнью. Даже ей, при всей сноровке и находчивости, было порой нелегко избавиться от тела. А вот Садист никогда не оставлял ни малейших следов.

Сюрреаль, спотыкаясь, отправилась в душ и довольно вздохнула, когда напряженные мышцы расслабились под тугими струями горячей воды. По крайней мере, теперь не нужно бояться случайной встречи с ним. До тех пор, пока она остается в Белдон Море.

4. Ад

Даже громкий стук в дверь кабинета не мог соперничать с несдержанными ругательствами, которыми сыпал Протвар, и гневными выкриками Джанелль.

Сэйтан закрыл книгу, лежащую на пюпитре. Было ведь счастливое время – и к тому же совсем недавно, – когда никто не хотел открывать эту дверь, не то что пытаться ее выломать. Присев на край стола из черного дерева, он скрестил руки на груди и принялся ждать.

Наконец в кабинет ворвался Андульвар. На его лице застыло выражение страха и ярости, что немало обеспокоило Повелителя. За ним по пятам шел Протвар, таща Джанелль за воротник платья. Когда девочка попыталась вырваться, он схватил ее сзади и поднял в воздух.

– Поставь меня, Протвар! – Джанелль согнула колено и как следует пнула мужчину своей маленькой ножкой прямо в пах.

Тот взвыл и выронил ее.

Вместо того чтобы упасть, Джанелль перекатилась в воздухе и, по-прежнему находясь в футе над полом, разразилась непристойными ругательствами на разных языках, половину из которых Сэйтан не смог даже опознать.

Он заставил себя принять властно-нейтральный вид и неохотно признал, что сейчас не самый лучший момент обсуждать тему «Язык, подобающий юным леди».

– Ведьмочка, возможно, удар в промежность мужчины – действительно эффективный способ привлечь его внимание, но это не та вещь, которую должны делать дети. – Он даже вздрогнул, когда Джанелль перевела взгляд на него.

– Почему это? – спросила она. – Один друг сказал, что именно так надо поступать, если мужчина схватит меня сзади. Он заставил меня пообещать!

Сэйтан поднял бровь:

– А сам этот друг – мужчина? – Надо же, как интересно.

Однако прежде, чем он успел развить эту тему, Андульвар зловеще пророкотал:

– Са-Дьябло, проблема заключается в другом.

– А в чем тогда? – Нельзя сказать, чтобы ему это было особенно интересно...

Протвар указал на Джанелль:

– Эта маленькая... она... сама рассказывай!

Джанелль стиснула кулачки и проглотила его взглядом:

– Ты сам виноват! Ты смеялся и не хотел учить меня! Это *ты* меня сшиб!

Сэйтан поднял руку:

– Помедленнее. Чему он должен был тебя научить?

– Он отказался учить меня летать! – обвиняющим тоном заявила девочка.

- У тебя ведь нет крыльев! – рявкнул Протвар.
- И все равно я могу летать не хуже тебя!
- У тебя нет никакого опыта!
- Потому что ты не хочешь меня учить!
- И, будь я проклят, даже и не подумаю!

Джанелль бросила эйрианское ругательство, от которого уши Протвара нервно дернулись.

Лицо Андильвара приобрело зловещий оттенок малинового, а потом он указал на дверь и проревел:

- Вон!

Джанелль помчалась прочь из кабинета. Протвар похромал за ней следом.

Сэйтан прижал кулак ко рту, пытаясь подавить смех. Благая Тьма, как же ему хотелось расхохотаться! Однако выражение глаз Андильвара предупреждало, что если он издаст хотя бы один смешок, то их обоих ждет нешуточный бой без правил.

- И тебе это еще кажется забавным! – проворчал его старый друг, шурша крыльями.

Сэйтан несколько раз кашлянул.

– Полагаю, Протвару сложно поверить, что он проигрывает семилетней девчонке. Я и не знал, что самолюбие воина так легко уязвить.

Мрачное выражение не исчезло с лица Андильвара.

Сэйтан ощутил раздражение.

– Будь благоразумен, Андильвар. Она хочет научиться летать. Ты и сам прекрасно видел, как она балансирует в воздухе.

- Я видел гораздо больше! – отрезал тот.

Сэйтан стиснул зубы и терпеливо сосчитал до десяти.

- Так расскажи мне, что именно.

Старый и единственный друг Повелителя Ада скрестил на груди мускулистые руки и устремил взгляд в потолок.

– Одна из подруг этой негодной девчонки, Катрина, учит ее летать. Но она порхает, как бабочка, а наша Джанелль хочет парить, как ястреб – как эйрианцы. Поэтому она попросила Протвара научить ее. Тот только рассмеялся, что, должен признать, было не самой разумной вещью, и тогда она...

- Полезла в бутылку.

- ...спрыгнула с высокой башни Зала.

На мгновение повисла настороженная тишина, а затем Сэйтан взорвался:

- *Что?!*

– Ты ведь знаешь высокую башню, Са-Дьябло. Ты лично строил это проклятое место! Она забралась на самую вершину по стене и спрыгнула. Ну что, тебе все еще смешно?

Сэйтан стукнул кулаками по крышке стола. Все его тело тряслось от ярости.

- Значит, Протвар поймал ее, когда девчонка падала.

Андильвар громко фыркнул.

– Он чуть не убил ее! Когда Джанелль спрыгнула, он рванулся через край за ней. К сожалению, девчонка стояла *на* воздухе, примерно футах в десяти под краем башни. Когда Протвар прыгнул, он врезался в нее, и они оба пролетели почти три четверти расстояния до пола, прежде чем он успел выйти из виража.

- Мать-Ночь! – пробормотал Сэйтан.

- И пусть Тьма будет к нам милосердна. Ну и что ты собираешься делать?!

– Поговорить с ней, – мрачно отозвался тот, бросив мысленный импульс в дверь, которая послушно отворилась под его пристальным взглядом. – Ведьмочка, подойди.

Джанелль приблизилась к Повелителю. Ее ярость теперь утихла, сменившись непоколебимой уверенностью в своей правоте и решимостью, которую он уже слишком хорошо знал.

Пытаясь сохранить над собой контроль, Сэйтан несколько мгновений просто смотрел на нее.

– Андильвар рассказал мне, что случилось. Тебе есть что добавить?

– Протвар не должен был смеяться надо мной. Я же над ним не смеюсь.

– Видишь ли, для того, чтобы летать, обычно нужны крылья, ведьмочка.

– Чтобы ездить на Ветрах, крылья не нужны. Принцип тот же. К тому же даже эйрианцам требуется Ремесло, чтобы летать. Так Протвар сказал.

Сэйтан уже не знал, что хуже: когда Джанелль делает нечто из ряда вон выходящее или пытается доказать свою правоту.

Со вздохом он накрыл ее маленькие, хрупкие ручки своими ладонями.

– Ты напугала его. Откуда Протвару было знать, что ты не свалишься?

– Я бы ему сказала, – уже более смиренно отозвалась девочка.

Сэйтан на мгновение прикрыл глаза, лихорадочно подбирая верное решение.

– Хорошо. Андильвар и Протвар научат тебя летать по-эйриански. А ты в ответ должна пообещать, что будешь выполнять все их требования и *тренироваться серьезно*, как положено. Никаких прыжков с башни или уступов. – Виноватое выражение, появившееся на маленьком личике, заставило сердце Сэйтана забиться в странном, непривычном ритме. Он сдавленно закончил свою речь: – И никаких испытаний в Потоках Крови... вообще никаких испытаний в Потоках до тех пор, пока они не решат, что ты готова.

Андильвар отвернулся, пробормотав несколько проклятий.

– Договорились? – затаив дыхание, спросил Сэйтан.

Джанелль кивнула. Она выглядела не слишком довольной, но, казалось, смирилась с этим решением.

Как и Врата, Потоки существовали во всех трех Королевствах. В отличие от Врат они имелись только в Крае Аскави. В Террилле они были тренировочной площадкой для эйрианских воинов – своего рода каньоны, где ветра и Ветры сталкиваются, создавая из своих нитей опасное, суровое место, где испытываются ментальная и физическая силы. Поток Крови был соткан из нитей светлых Ветров, от Белого до Опала. А вот другие...

Сэйтан сглотнул.

– Ты уже испытывала свои силы в Потоке Крови?

Личико Джанелль осветилось.

– О да. Сэйтан, там так здорово! – Ее энтузиазм несколько поулег, когда девочка встретилась с взглядом Повелителя.

Дышать не забывай, Са-Дьябло.

– А Кальдхарон?

Джанелль опустила глаза.

Андильвар развернул ее и потряс за плечи.

– Только жалкая горстка лучших эйрианских воинов осмеливается раз в год испробовать Кальдхаронский Поток! Это главное испытание силы и мастерства, а не игровая площадка для девочек, которые хотят только одного – скакать с места на место!

– Я не скачу!

– Ведьмочка, – предостерегающим тоном произнес Сэйтан.

– Я просто немножко попробовала, – пробормотала она. – И только в Аду.

У Андильвара отвисла челюсть.

Сэйтан зажмурился, желая, чтобы внезапная боль, пронзившая его виски, наконец исчезла. Было бы ужасно, если бы она рискнула попробовать полетать в Кальдхаронских Пото-

ках Террилля, Королевства, находившегося дальше всех от Тьмы и, соответственно, Ветров, наполненных истинной силой. Но войти в Поток в Аду...

– Ты не будешь пользоваться Потоками до тех пор, пока Андильвар не скажет, что ты готова к этому!

Удивленная его внезапной горячностью, Джанелль пристально посмотрела на Повелителя:

– Я тебя напугала.

Сэйтан сделал круг по комнате, ища нечто, что можно с чистой совестью разбить или сломать.

– Ты чертовски права. Ты меня напугала до смерти.

Она взбила пальчиками кудряшки, наблюдая за ним.

Когда наконец Сэйтан вернулся к столу, она изобразила уважительный реверанс:

– Прошу прощения, Повелитель. Прошу прощения, Князь Яслана.

Андильвар проворчал в ответ:

– Если уж я буду учить ее летать, то с тем же успехом могу показать, как пользоваться боевым посохом, луком и ножом.

Глаза Джанелль разгорелись.

– Шерон учит меня стрелять из лука, а Шаости – обращаться с ножом, – призналась она.

– Тем больше причин научиться и эйрианским боевым искусствам, – с мрачной улыбкой произнес Андильвар.

Когда девочка вышла, Сэйтан с беспокойством взглянул на своего друга:

– Я надеюсь, ты примешь в расчет ее возраст и пол.

– Я заставлю ее работать так, чтобы она с ног валилась, Са-Дьябло. Если уж придется заниматься с ней – а, похоже, другого выбора у меня нет, – я буду обучать ее точно так же, как любого будущего эйрианского воина. – Он злорадно ухмыльнулся. – Кроме того, Протвар будет в восторге от перспективы стать ее оппонентом, когда дело дойдет до практики.

Как только Андильвар вышел, Сэйтан устроился в своем кресле за столом из черного дерева, отпер один из ящиков и достал лист дорожного белоснежного пергамента, до середины исписанного его элегантным почерком. Он добавил к быстро растущему списку еще три имени: Катрина, Шерон, Шаости.

Вернув пергамент в ящик и надежно заперев его, Сэйтан откинулся на спинку кресла и потер виски. Этот список весьма беспокоил его, потому что Повелитель Ада не знал, что он означает. Да, это дети. Очевидно, друзья. Но все, все из Кэйлеера. Она должна была исчезать на многие часы, чтобы преодолевать такие расстояния, даже если бы путешествовала на Черном ветре. Что думает об этих исчезновениях ее семья? Что говорят родственники? Джанелль никогда не упоминала о Шэйллоте, своем доме, своих близких. Она уклонялась от ответов на все вопросы, которые Сэйтан задавал, как бы он ни пытался завуалировать свое любопытство. Чего именно девочка так боялась?

Сэйтан долгое время смотрел в пустоту, а затем направил мысль по Эбеново-серой нити паутины, которая предназначалась только для одного мужчины.

– Обучи ее как следует, Андильвар. Обучи ее как следует.

5. Ад

Сэйтан вышел из жилых покоев, примыкавших к его личному кабинету, яростно вытирая волосы полотенцем. Стоило Повелителю бросить взгляд на дверь, как его ноздри немедленно раздулись, а морщинка между бровями углубилась.

У Гарпий есть ни с чем не сравнимый ментальный запах, и эта, терпеливо ожидавшая, пока Сэйтан заметит ее присутствие, заставляла его нервничать.

Она быстро подошла к столу бесшумной, скользящей походкой. Гарпия была стройной, светлокожей женщиной с огромными голубыми глазами, изящными заостренными ушками и длинными великолепными серебристыми волосами. Она была одета в тунику изумрудно-зеленого цвета, как кроны деревьев в солнечный день, брюки с коричневым кожаным поясом и мягкие сапоги почти по колено. К ремню пристегнуты пустые ножны. Камней она не носила, а рана, полосой проходившая по горлу, была видимым свидетельством ее смерти. Гарпия пристально рассматривала Повелителя, а тот, в свою очередь, изучал ее.

Напряжение, повисшее в комнате с первой секунды, все нарастало.

Гарпиями становились ведьмы, умершие от мужской руки.

К какой бы расе эти женщины изначально ни принадлежали, они становились более мстительными, злобными и коварными, чем другие мертвые демоны-ведьмы, и редко покидали свою территорию – край, в который не осмеливались вторгаться мертвые демоны мужского пола.

И все же она пришла сюда – по собственной воле. Черная Вдова и Королева Деа аль Мон.

– Прошу, присаживайтесь, леди, – предложил Сэйтан.

Не отрывая от него пристального взгляда, та грациозно опустилась на стул.

– Чем я могу вам помочь?

Когда она заговорила, в ее голосе прозвучал вздох ветра на лесной просеке, слившийся с треском грозной молнии и раскатом грома.

– Вы служите ей?

Сэйтан попытался подавить дрожь, вызванную этими словами, но Гарпия почуяла ее и улыбнулась. Эта гримаса заставила его потерять контроль над внезапно вскипевшим гневом.

– Я – Повелитель, ведьма. Я не служу никому.

Выражение ее лица не изменилось, но глаза теперь источали смертный холод.

– Верховная Жрица Ада начала задавать много вопросов. Это не хорошо. Поэтому я спрашиваю вас снова, *Повелитель*, вы служите ей?

– У Ада нет Верховной Жрицы.

Посетительница мрачно рассмеялась:

– Что ж, в таком случае никто не сообщил Гекате об этой незначительной детали. Если вы не служите Темной госпоже, скажите, вы ей враг или друг?

Губы Сэйтана изогнулись в оскале.

– Я не служу Гекате, и, поскольку когда-то мы были женаты, сомневаюсь, что она видит во мне своего друга.

Гарпия посмотрела на него с отвращением:

– Она важна только по одной причине: Геката угрожает вмешательством в ваши дела. Я говорю об этой девочке, Повелитель. Вы служите ребенку? Вы враг или друг?

В живот словно вонзился ледяной кинжал.

– Какому еще ребенку?

Гарпия сорвалась со своего места и закружилась по комнате. Когда она вернулась к столу, ее правая рука то и дело потирала ножны, словно в поисках ножа, которого не оказалось на месте.

– Сядьте. – Когда женщина даже не шевельнулась, в его голосе вновь грозно зазвучала сталь. – Сядьте! – Геката, очевидно, преисполнилась подозрений, наблюдая за последними событиями, к тому же начали распространяться слухи о странной ведьме, которая то появлялась, то исчезала из Темного Королевства. Они должны были укрепить ее интерес. Однако он не имел ни малейшей власти над тем, куда уходила Джанелль и с кем встречалась. Если Гарпии прознали о ее существовании, кому еще удалось это сделать? Сколько времени пройдет, прежде чем Джанелль, последовав за очередным мысленным зовом, попадет прямиком в руки

Гекаты? И кем была эта Гарпия – другом или врагом? – О девочке известно всем Деа аль Мон, – осторожно произнес он.

Гарпия кивнула:

– Она подруга моей родственницы Габриэль.

– И Шаости.

Ее губы на мгновение изогнулись в жестокой улыбке.

– И Шаости. Он тоже из моего клана.

– А ты?

Улыбка угасла. В глазах вспыхнула холодная ненависть.

– Тишьян. – Она окинула взглядом тело Повелителя, а затем откинулась на спинку кресла. – Тот, что сломал меня... он носит твоё имя, но не принадлежит к твоей крови. Мне было всего двенадцать, когда меня обманом и предательством увезли из Кэйлеера. Он взял меня, чтобы развлечься, и сломал на своём копье. Но всё имеет свою цену. Я оставила ему кое-что в наследство, единственное семя его чресл, которому довелось расцвести. В конце концов он уплатит свой долг ей. А когда придет время, она станет служить юной Королеве.

Сэйтан медленно выдохнул.

– Кто ещё знает о ребенке?

– Слишком многие... или таких недостаточно. Это зависит от того, как сложится игра.

– Это не игра! – Он замер на месте. – Впусти меня.

Лицо Тишьян исказилось от отвращения, смешанного с презрением.

Сэйтан наклонился вперед:

– Я понимаю, почему прикосновение мужчины вызывает у тебя отвращение. Я прошу об этом не просто так... и не ради себя.

Тишьян прикусила губу. Ее руки впились в подлокотники кресла.

– Хорошо.

Устремив взгляд в огонь, Сэйтан прикоснулся к ней, преодолел первый внутренний барьер и ощутил ее недовольство. Он терпеливо ждал до тех пор, пока Гарпия не решилась впустить его окончательно и не открыла границы. Оказавшись в ее сознании, он осторожно начал пробираться вперед, не касаясь лишнего – как воспитанный гость. Потребовалось не так много времени, чтобы обрести искомое, и тогда он разорвал связь, ощутив облегчение.

Они не знали. Тишьян догадывалась, правда, и оказалась очень близка к истине. Однако никто, кроме самых доверенных людей, не знал наверняка. Станный ребенок, эксцентричный. Загадочная, непонятная девочка. Этого вполне хватит. Его мудрая, осторожная девочка. Однако Сэйтан не мог не задуматься о том, какой именно жизненный опыт научил ее этой осторожности в столь юном возрасте.

Он повернулся к Тишьян спиной.

– Я обучаю ее Ремеслу. И служу.

Гарпия оглядела его кабинет:

– Отсюда?

Сэйтан сухо улыбнулся:

– Что ж, ты попала в цель. Я уже давно устал от этой комнаты. Похоже, пришла пора напомнить Аду о том, кто здесь правит.

– Вы хотите сказать, Повелитель, кто замещает правителя, – с хищной улыбкой произнесла Тишьян. Она сделала паузу, тем самым подчеркнув важность сказанного. – Это хорошо, что вы обеспокоены, Повелитель, – неохотно признала она. – И еще лучше, что у нее есть сильный защитник. Она ведь бесстрашна, наша Сестра. Будет мудро обучить ее осторожности. Но не позволяйте обмануть себя. Дети знают, что она собой представляет. Она в той же степени является их общей тайной, в какой стала их другом. Кровь поет для Крови, и весь Кэйлеер постепенно раскрывает свои объятия одинокой темной звезде.

– Откуда ты знаешь о детях? – с подозрением поинтересовался Сэйтан.

– Я же говорила тебе. Я родственница Габриэль.

– Ты давно погибла, Тишьян. Мертвые демоны не общаются с людьми. Они не вмешиваются в дела живых Королевств.

– Разве, Повелитель? Вы и ваша семья по-прежнему правите Демланом в Кэйлеере. – С этими словами Гарпия пожала плечами. – Кроме того, Деа аль Мор не испытывают никакого страха перед контактом с теми, кто живет в вечном сумраке Темного Королевства. – Поколебавшись, она добавила: – А наша юная Сестра, похоже, просто не понимает разницы между живыми и мертвыми.

Сэйтан выпрямился и замер.

– Ты думаешь, что знакомство со мной окончательно запутало ее?

Тишьян покачала головой:

– Нет, она не понимала этой разницы и раньше, еще до того, как узнала об Аде или встретила Хранителя. Она ходит странными путями, Повелитель. Сколько времени, по-вашему, пройдет, прежде чем дитя достигнет границ Искаженного Королевства?

– Нет никаких причин предполагать, что это может случиться, – напряженно ответил Сэйтан.

– Разве нет? Она последует по этой странной дороге туда, куда та ее поведет. Что заставляет вас считать, что ребенок, не знающий разницы между живыми и мертвыми, заметит различия между здравым умом и Искаженным Королевством?

– Нет! – Сэйтан, не в силах усидеть на месте, вскочил с кресла и встал перед камином. Он пытался не думать о Джанелль, медленно скользящей к безумию, неспособной справиться с собой, но беспокойство все равно волнами накатывало на него. Ни одно живое существо за всю историю Крови не носило Черный по Праву рождения. Никому еще не приходилось сталкиваться с такой ответственностью – и полным одиночеством, – которые были частью расплаты за ношение такого темного Камня в столь юном возрасте.

И при этом Сэйтан прекрасно понимал, что Джанелль уже видела вещи, которых не должен знать ни один ребенок. В ее глазах он прекрасно различал секреты и мрачные тени.

– Неужели нет ни одного человека в Террилле, которому вы можете поручить присмотреть за ней?

Сэйтан устало рассмеялся. В его голосе слышалась боль.

– А кому ты бы доверилась, Тишьян?

Гарпия нервно расправила складки брюк тонкими пальцами.

Она ведь едва успела стать женщиной, когда умерла, с нежной грустью подумал Сэйтан. Такая хрупкая и уязвимая под оболочкой своей силы. Как и все они.

Тишьян облизнула губы.

– Я знаю одного Верховного Князя, носящего Черный Камень, который иногда присматривает за теми, кому отчаянно нужна помощь. Если я обращусь к нему, возможно...

– Нет, – резко отозвался Повелитель. Гордость смешалась со страхом. Какая ирония, что Тишьян считала Деймона подходящим защитником юной Королевы! – Им владеет марионетка Гекаты, Доротея. Его могут заставить повиноваться.

– Я не верю, что он способен причинить вред ребенку.

Сэйтан вернулся за стол.

– Возможно, не намеренно. Однако боль может заставить мужчину делать такие вещи, которых он ни за что не совершил бы добровольно.

Глаза Тишьян расширились, и в них зажглось понимание.

– Ты ему не доверяешь. – Она обдумала этот вывод и покачала головой. – И ошибаешься. Он ведь...

– Зеркало. – Сэйтан улыбнулся, когда Гарпия резко, с шипением втянула воздух. – Да, Тишьян. Он – плоть от плоти моей, семя моих чресл. Я хорошо его знаю... и вместе с тем не знаю вовсе. Он похож на обоюдоострый меч, способный порезать руку, которая его держит, с той же легкостью, с какой вспарывает горло врага.

Он проводил Тишьян к двери.

– Я благодарю тебя за совет и беспокойство. Если ты узнаешь какие-либо новости, я был бы очень признателен за своевременную информацию.

Она повернулась у самого порога и внимательно посмотрела на Повелителя:

– А что, если она будет петь его крови так же громко и ясно, как твоей?

– Леди. – Сэйтан тихо закрыл за Гарпией дверь и запер на замок. Вернувшись за стол, он налил в бокал ярбараха и долго наблюдал за маленьким язычком колдовского огня, танцующим над поверхностью стола, согревающим вино.

Деймон был прекрасным Верховным Князем, что означало одно: он был очень опасен.

Сэйтан осушил бокал. Они с Деймоном были одного поля ягоды. Неужели он и впрямь верил, что человек, названный в его честь, будет представлять угрозу для Джанелль, или же просто в нем заговорила ревность? Ведь Деймон был потенциальным любовником девочки и при этом оставался его собственным сыном... Нет, Сэйтан действительно не находил ответа на этот вопрос и всерьез обдумывал, не стоит ли отдать приказ о казни Деймона.

И все же пока не было никаких причин давать поручение Марджонгу Палачу. Деймон далеко от Шэйллота, и по какой-то причине Джанелль не путешествовала по Терриллю и не исследовала его, в отличие от Кэйлеера. Возможно, Тишьян была права насчет Деймона, но рисковать нельзя. У его сына хватило бы коварства, чтобы завлечь невинного ребенка в свои сети, и сил, чтобы уничтожить ее.

Но если Деймона необходимо будет казнить, чтобы защитить Джанелль, он не падет от чужой руки. По крайней мере, он был должен своему сыну.

Часть вторая

Глава 3

1. Кэйлеер

Сэйтан хмуро улыбнулся своему отражению. Его некогда черные волосы теперь серебрились у висков куда больше, чем пять лет назад, но морщины, оставленные на его лице отчаянием и болезнью, смягчились и разгладились. Зато появились другие, от смеха.

Отвернувшись от зеркала, Повелитель пошел по галерее, опоясывавшей второй этаж. Больная нога по-прежнему отказывалась слушаться, если приходилось слишком много передвигаться, но, по крайней мере, теперь можно было отказаться от изрядно опостылевшей трости. Сэйтан тихо рассмеялся. Джанелль оказалась лучшим тонизирующим средством – во многих смыслах этого слова.

Спускаясь по ступенькам, выходявшим в приемную для неофициальных визитов, он заметил высокую, стройную женщину, наблюдавшую за ним. Он также заметил кольцо с ключами, висевшее у ее пояса, и ощутил немалое облегчение оттого, что с такой легкостью сумел отыскать нынешнюю экономку.

– Добрый день, – любезно произнес Сэйтан. – Вы, случайно, не Хелена?

– Если да, то что? – ответила та, скрестив руки на груди и нетерпеливо притопнув ногой.

Что ж, он и не ожидал гостеприимного приветствия, но все же... Сэйтан улыбнулся женщине:

– Для прислуги, которой уже долгое время некому служить, да при этом никто не платит жалованья, вы содержите это место в удивительном порядке.

Хелена резко выпрямилась, и в ее глазах полыхнул гнев.

– Мы следим за порядком в Зале, потому что это Зал! – Ее глаза сузились еще больше. – А кто вы такой? – требовательно спросила она.

Он иронично изогнул бровь:

– А как вам кажется?

– Человек, сующий нос не в свои дела, вот как мне кажется! – отрезала Хелена, уперев руки в бока. – Один из тех молодчиков, что время от времени шныряют здесь, чтобы пялить глаза да «проникаться атмосферой», как они выражаются!

Сэйтан рассмеялся:

– На их месте я не стал бы проникаться ею уж слишком старательно. Хотя, нужно признать, этот Зал всегда был куда спокойнее, нежели та его часть, что находится в Террилле. Полагаю, что, проведя столько лет вдали от него, я и впрямь в каком-то смысле сую нос не в свои дела, однако... – Он поднял правую руку. Когда Черный Камень в его кольцо вспыхнул на мгновение, камни Зала Са-Дьябло загудели в ответ.

Хелена побледнела и уставилась на него.

Сэйтан улыбнулся:

– Вот видите, дорогая моя, Зал по-прежнему отвечает на мой зов. И, боюсь, я сейчас внесу настоящий хаос в ваши рутинные обязанности.

Женщина сделала низкий, но неуклюжий реверанс.

– П-повелитель? – заикаясь, произнесла она.

Тот поклонился:

– Я открываю Зал.

– Но...

Сэйтан выпрямился:

– Есть какие-то проблемы?

Золотистые глаза Хелены заблестели, и она быстро вытерла руки о свой широкий белый фартук.

– Конечно, тщательная уборка не повредит, но... – она красноречиво посмотрела на драпировки, – небольшой ремонт был бы гораздо полезнее.

Напряжение покинуло его в тот же миг.

– К тому же тогда у вас появится повод гордиться собой, вместо того чтобы обходиться ничем не значащим титулом?

Экономка покраснела и прикусила губу.

Скрыв улыбку, Сэйтан заставил драпировки исчезнуть и изучил комнату взглядом.

– Новые шторы и тюль, это очевидно. Мебель и прочие деревянные предметы еще послужат, если их как следует отполировать – и если заклятия сохранности продержались все это время, сохранив каркасы. Понадобятся новые диваны и стулья. Какие-нибудь растения в кадках у окон. Возможно, новые картины на стены. Как вы считаете, что лучше – поменять обои или обойтись краской?

Хелена не сразу обрела дар речи.

– А сколько комнат вы намерены восстановить?

– Вот эту, официальную приемную напротив, прямо по коридору, мой кабинет для посетителей, личные покои, а также часть гостевых комнат – и отдельную квартиру для моей Леди.

– В таком случае ваша Леди, возможно, сама желала бы проследить за ремонтом?

Сэйтан изобразил священный ужас.

– Вне всякого сомнения, ей бы эта идея пришлась по душе. Однако моей Леди через четыре месяца исполнится двенадцать, поэтому я бы предпочел, чтобы она проживала в покоях, которыми занимался я сам от ее лица, нежели самому жить в Зале, украшенном в соответствии с ее... скажем так, довольно своеобразным вкусом.

Хелена на мгновение пораженно уставилась на Повелителя, но вопрос, который Сэйтан прочел в ее глазах, так и не прозвучал.

– Я могла бы принести несколько книг с образцами в Зал, чтобы вы выбрали подходящие материалы.

– Прекрасная идея, дорогая моя. Как вы полагаете, нам удастся привести эти комнаты в порядок за четыре месяца?

– Дело в том, что у нас не так много слуг, Повелитель, – с явным беспокойством произнесла экономка.

– Наймите всех, кого не хватает, – произнес Сэйтан и неспешно направился к открытой двери, ведущей в Великий Зал. – Я отыщу вас в конце недели. Этого времени будет достаточно?

– Да, Повелитель. – Хелена снова сделала неуклюжий реверанс.

Родившись в трущобах Дрэги, столицы Хейллы, и будучи сыном ко всему безразличной шлюхи, он никогда не ожидал, что слуги будут пресмыкаться перед ним. Он не стал говорить об этом Хелене, поскольку, если Сэйтан правильно оценил ее характер, это был последний реверанс, которого он удостоился.

В конце Великого Зала Сэйтан задержался перед дверью своего рабочего кабинета. Наконец, войдя внутрь, он стал осматривать комнату, изредка прикасаясь к накрытой чехлами мебели. Испачкав пальцы, он невольно скривился.

Когда-то именно отсюда он правил Демлан в Кэйлеере. Точнее, правит им и сейчас, отметил про себя Повелитель. Демлан в Террилле он передал в руки Мефиса, когда тот стал Хранителем, но ее сестричка в Царстве Теней осталась под властью Сэйтана.

Да, Кэйлеер... Это Королевство всегда представлялось ему подобным сладкому вину – из-за его глубокой, загадочной магии и многочисленных секретов. Теперь эти тайны вновь появились из туманной дымки, а магия, как оказалось, не потеряла своей мистической силы. Узор за узором, Джанелль вновь сплетала здесь паутину, заставляя каждую нить петь и танцевать.

Он надеялся, что девочка обрадуется, узнав, что эти комнаты снова используются и находятся в полном ее распоряжении. Сэйтан мечтал о том, что и для него найдется место, когда Джанелль будет иметь свой собственный двор. Он хотел увидеть тех избранных, которые составят Первый Круг, хотел посмотреть на их лица, а не только на список имен. Знают ли они друг о друге? А о нем?

Сэйтан покачал головой и улыбнулся.

Хотела ли прекрасная, золотоволосая дочь его души этого или нет, но она определенно вернула его в мир живых.

2. Террилль

Сюрреаль перебрала корзинку с покупками из одной руки в другую и выудила ключи из кармана брюк. Оказавшись на лестничной площадке и заметив темный силуэт, свернувшийся клубком у ее двери, она заставила ключи исчезнуть, заменив их своим любимым кинжалом.

Но тут фигура зашевелилась. Женщина отбросила грязные черные волосы с лица и кое-как поднялась на ноги.

– Терса? – прошептала Сюрреаль, вновь заставляя кинжал исчезнуть и бросаясь к шатающейся женщине.

– Ты должна сказать ему, – пробормотала Терса.

Сюрреаль уронила корзину и обхватила предсказательницу за талию. Призвав свои ключи и открыв дверь, она фактически втащила Терсу внутрь и уложила ее на диван, чуть слышно ругнувшись. Та была в ужасном состоянии.

Сюрреаль принесла свою корзину и заперла дверь, а затем вернулась к дивану с маленьким стаканчиком бренди.

– Ты должна сказать ему, – снова пробормотала Терса, непонимающим взглядом уставившись на бокал.

– Выпей это. Тебе станет лучше, – сурово велела Сюрреаль. – Я не видела его уже много месяцев. Боюсь, теперь я ему уже не нужна.

Терса схватила Сюрреаль за запястье и яростно зашептала:

– Скажи ему, чтобы остерегался Верховного Жреца Песочных Часов. Деймон не из тех, кто прощает, когда другие угрожают тому, что принадлежит ему. Скажи, пусть остерегается Жреца.

Со вздохом Сюрреаль подняла предсказательницу и помогла ей кое-как доковылять до ванной комнаты.

Сказать ему? Она вообще не хотела иметь с ним ничего общего.

И что ей теперь делать с Терсой? Здесь было всего две кровати. Она знала, что свою не отдаст ни за что, поэтому госте придется воспользоваться постелью Сади. Но, Огни Ада, он стал внезапно таким чувствительным к женскому присутствию в своей комнате! Он безошибочно определял и такие мелочи, как сменившаяся уборщица, даже если она заходила лишь однажды! Дерьмо. Конечно, вряд ли он заявится сюда – благая Тьма, пожалуйста, пусть Деймон не приходит подольше! – но если это произойдет и он обнаружит Терсу в своей постели, то вполне может вышвырнуть ее за порог.

Сюрреаль сорвала с предсказательницы грязные, драные тряпки.

– Давай, Терса. Тебе нужна горячая ванна, приличный ужин и хороший сон.

– Ты должна сказать ему.

Сюрреаль прикрыла глаза. За ней остался должок. Она никогда не забывала о том, что долг еще не уплачен.

– Я скажу ему. Я найду способ, обещаю.

3. Террилль

После нескольких минут, проведенных в весьма неуютном молчании, Филип Александр наконец придвинулся ближе к племяннице и посмотрел на нее. Он потянулся к ее безвольно лежащей руке. Девочка отстранилась, не давая прикоснуться к себе.

Ощувив всплеск раздражения, Филип провел пальцами по волосам и в который раз попытался убедить ее прислушаться к голосу разума.

– Джанелль, мы делаем это вовсе не для того, чтобы заставить тебя страдать. Ты нездорова, девочка, и мы хотим помочь тебе поправиться.

– Я не больна, – тихо отозвалась Джанелль, глядя прямо перед собой.

– Нет, ты больна, – продолжал Филип убедительным, но в то же время мягким тоном. – Ты ведь не видишь различий между выдуманным и реальным миром.

– Я знаю, чем они отличаются.

– Нет, не знаешь, – настаивал на своем Филип. Он потер лоб. – Эти друзья, эти места, в которых ты как бы бываешь... Они не настоящие. И никогда *не были* настоящими. Единственная причина, по которой ты видишь их, – твоя болезнь.

Боль, сомнение и смущение наполнили ее небесно-голубые глаза.

– Но они кажутся такими реальными! – прошептала она.

Филип притянул ее ближе к себе, испытав всплеск благодарности, когда девочка не оттолкнула его. Он обнял ее, словно это могло исцелить то, с чем не справились годы лечения.

– Я знаю, что они кажутся тебе настоящими, милая. В этом и заключается проблема, разве ты не видишь? Доктор Карвей – ведущий целитель в этой...

Джанелль вырвалась из его рук.

– Карвей никакой не целитель, он...

– Джанелль! – прервал ее Филип и глубоко вздохнул. – Вот об этом мы и говорим. Ты опять выдумываешь некрасивые истории, убеждая всех, что доктор Карвей тебе не поможет. Сочиняешь рассказы о волшебных существах...

– Я больше о них не говорю.

Филип раздраженно вздохнул. Да, это было так. Она то ли исцелилась, то ли просто переросла эти фантазии, но истории, которые Джанелль изобретала сейчас, были всего лишь другой одеждой, пошитой из знакомой материи. И они были гораздо опаснее.

Филип поднялся на ноги и оправил пиджак.

– Возможно, если ты будешь стараться и позволишь доктору Карвею помочь, то вылечишься на этот раз и сможешь вернуться домой навсегда. Как раз успеешь к своему дню рождения.

Джанелль одарила его странным взглядом, которого он не сумел разгадать.

Филип проводил племянницу к двери.

– Карета уже ждет тебя. Отец и бабушка будут сопровождать тебя и помогут обустроиться.

Наблюдая за тем, как карета исчезает, преодолевая долгий спуск и поворот, Филип искренне надеялся, что этот раз будет последним.

4. Кэйлеер

Сэйтан сидел за черным столом в своем рабочем кабинете, держа в руке полупустой бокал вина, и в очередной раз осматривал украшенную комнату.

Хелена поработала хорошо – и не без применения бытового Ремесла, которым она владела отменно. Изменились не только комнаты, которые он заранее попросил отремонтировать, но и большинство остальных – и целое крыло жилых помещений. Что же до того, что она наняла почти все население деревни Хэлавэй... В конце концов, им всем нужна цель. Даже ему. Особенно ему.

Резкий стук в дверь наконец привлек его внимание.

– Войдите, – сказал Сэйтан, одним глотком осушив бокал.

Хелена удовлетворенно оглядела комнату, а затем подошла к столу и выпрямилась.

– Миссис Беале хотела бы узнать, насколько задержится ужин.

– Прекрасные блюда, вышедшие из-под ее умелых рук, не должны пропадать. Возможно, вы и остальные работники воздадите должное усилиям миссис Беале?

– Получается, ваша гостья не придет?

– Очевидно, нет.

Хелена возмущенно уперла руки в бока:

– До чего ж невоспитанная девица! Вот кто она! Надо же, не хватило хороших манер даже на то, чтобы отправить записку с извинениями, раз уж...

– Вы забываетесь, мадам, – тихо рыкнул Сэйтан. В его словах нельзя было не распознать гнева – и угрозы.

Экономка поспешно отпрянула от стола:

– Я... я прошу прощения, Повелитель.

Несколько смягчившись, Сэйтан сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

– Если она не смогла прийти, очевидно, у нее имелись на то серьезные причины. Не спешите судить ее, Хелена. Если она окажется здесь и у вас появятся какие-нибудь жалобы, подходите прямо ко мне, и я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы уладить любые проблемы. Но не осуждайте ее.

Повелитель Ада медленно подошел к двери.

– Пожалуйста, не распускайте людей. Пусть все будут готовы обслужить любых гостей, которые могут прибыть сюда. И, пожалуйста, ведите учет всех, кто приходит и уходит – особенно если они при этом интересуются Леди. Никто не войдет сюда, не назвавшись предварительно. Это ясно?

– Да, Повелитель, – ответила Хелена.

– Наслаждайтесь ужином, дорогая моя.

С этими словами Сэйтан вышел.

Он направлялся к своему личному кабинету по каменному коридору, расположенному глубоко под Залом в Темном Королевстве. Повелитель Ада давно покинул маленькие покои и вернулся в свои комнаты на несколько этажей выше. Однако, по мере того как проходили дни и недели, он обнаружил, что то и дело возвращается. Просто так, на всякий случай.

Внезапно из тени возле кабинета вышла стройная фигура. От мальчика волнами исходило беспокойство. Сэйтан поспешно отпер дверь и поманил его внутрь. Один взгляд, брошенный на свечи, заставил их вспыхнуть и озарить комнату мягким сиянием, затушевав углы и воскрешая ощущение безграничной власти Повелителя.

– Не присоединишься ли ко мне за бокалом ярбараха, Чар? – Не дожидаясь ответа, Сэйтан наполнил два сосуда вином из графина, стоявшего на столе, и немного подогрел содержимое одного из них тоненьким язычком колдовского огня. А затем вручил бокал Чару.

Рука мальчика дрожала, когда он принимал кубок из рук Повелителя, а в глазах по-прежнему плескался страх.

Чувствуя беспокойство, Сэйтан подогрел вино и для себя, а затем опустился в кресло у камина.

Чар быстро осушил бокал. Быстрая улыбка мелькнула на его губах, пока мальчик наслаждался вкусом последнего глотка. Он посмотрел в лицо Повелителю, на котором редко отражались какие-либо эмоции, и отвел взгляд. Чар попытался что-то сказать, но не сумел произвести ни звука. Прочистив горло, он попробовал снова.

– Вы ее видели? – спросил он надломленным шепотом.

Сэйтан отхлебнул немного кровавого вина, прежде чем ответить.

– Нет, Чар, я не видел ее уже три месяца. А ты?

Тот покачал головой:

– Нет, но... на острове начали происходить странные вещи. Пришли другие.

Сэйтан наклонился вперед:

– Другие? То есть не дети?

– Дети, да, но... когда они появляются, что-то происходит. Они приходят не через Врата и находят дорогу на остров не с помощью Ветров. Они идут... – Чар покачал головой, пытаясь подобрать слова.

Сэйтан понизил голос, звучавший теперь как мягкое, ласковое гудение:

– Тыпустишь меня, Чар? Позволишь мне самому взглянуть?

Облегчение так ясно читалось на лице мальчика, что Сэйтану еще больше стало не по себе. Откинувшись на спинку кресла, он потянулся к сознанию мальчика своим, обнаружил, что все барьеры уже сняты, и проследовал следом за Чаром к воспоминанию о том, что он увидел и что так сильно обеспокоило его.

Сэйтан со свистом выдохнул, узнав то, что ему открылось, и разорвал связь так быстро, как только мог, не причинив вреда мальчику.

Когда Джанелль научилась делать это?!

– Что это такое? – спросил Чар.

– Мост, – ответил Сэйтан. Он осушил бокал и вновь наполнил его, немало удивившись тому, что рука не дрожит. Ему казалось, что все нервы трепещут и вот-вот разорвутся. – Эта штука называется мост.

– Она очень мощная.

– Нет, сам по себе мост не обладает силой. – Он встретился с испуганным взглядом Чара и наконец позволил мальчику понять, что и сам отнюдь не спокоен. – А вот тот, кто создал этот мост, очень и очень могуществен. – Поставив бокал на стол, Сэйтан наклонился вперед, опустив локти на колени и положив подбородок на сцепленные пальцы. – А откуда эти дети появляются? Они говорят что-нибудь?

Чар облизнул губы.

– Из какого-то места под названием Брайарвуд. Они отказываются говорить, деревня это, город или Край. Пришельцы сказали только, что друг рассказал им об этом острове и показал дорогу. – Он колебался, вдруг засмутившись. – Возможно, вы бы хотели прийти и посмотреть? Возможно... вы что-нибудь поймете.

– Отправимся прямо сейчас? – спросил Сэйтан, поднимаясь и одергивая рукава пиджака.

Чар устремил взгляд в пол.

– Должно быть, жуткое место этот Брайарвуд. – Он поднял глаза на Повелителя, безмолвно моля об утешении. – Почему она решила отправиться в такое ужасное место?

Подняв Чара на ноги, Сэйтан приобнял мальчика за плечи и ощутил еще большее беспокойство, когда тот прислонился к нему, очевидно нуждаясь в поддержке.

Повелитель Ада шел медленно и уверенно, капля за каплей наполняя мальчика физической силой и ощущением безопасности. Когда плечи Чара снова начали расправляться, Сэйтан небрежно убрал руку.

Три месяца. От нее не было вестей уже три месяца. А теперь дети путешествуют по мосту на остров *килдру дьятэ*.

Новые умения Джанелль заинтриговали бы его, если бы вопрос Чара не продолжал пульсировать в крови, ударяясь в виски снова и снова.

Почему она отправилась в такое ужасное место? Почему, почему, почему?

И куда именно?

5. Террилль

Брайарвуд? – Кассандра, воспользовавшись Даром, подогрела два бокала ярбараха. – Нет, я никогда не слышала о Брайарвуде. Где это? – Она вручила один бокал Сэйтану.

– В Террилле, так что, вполне возможно, это место находится где-то на Шэйллите, – отозвался Повелитель Ада, отхлебнув немного вина. – Может, это какой-то городок или деревенька рядом с Белдон Мором. У тебя, случайно, нет карты этого проклятого острова?

Кассандра покраснела:

– Вообще-то есть. Я отправлялась на Шэйллит как-то раз. Нет, не в Белдон Мор, – торопливо добавила она. – Сэйтан, я была вынуждена поехать туда, потому что... в общем, происходило что-то очень странное. Периодически в Паутинах появляется странное ощущение, как будто... – Она разочарованно вздохнула, не в силах подобрать слова.

– Кто-то дергал их, а затем сплетал вместе, заставляя дрожать, – сухо закончил за нее Сэйтан. Он провел не один час, копаясь вместе с Джеффри в книгах, посвященных Ремеслу, чтобы узнать такую малость, но они до сих пор не сумели понять, *как* именно Джанелль сумела это сделать.

– Именно, – подтвердила Кассандра.

Сэйтан наблюдал за тем, как она призывает карту и расправляет ее на кухонном столе.

– Ты чувствовала, как Джанелль строила мост. – Он быстрым движением поймал бокал ярбараха, выпавший из руки бывшей Королевы. Поставив оба кубка на стол, он подвел женщину к скамейке, стоявшей у камина, и обнял, поглаживая ее волосы и шепча утешительные слова.

Через некоторое время Кассандра перестала дрожать и снова заговорила.

– Но ведь мост строится совсем иначе! – напряженно возразила она.

– Точнее, если бы за дело взялись ты или я – точнее, попытались бы, – мы бы сделали это по-другому. Нет.

– Только Кровь на пике развития своего Дара может построить мост, который покрывает любое расстояние, а значит, стоит усилий. Я сомневаюсь, что в Террилле остался хоть один человек, обладающий нужными знаниями или умениями. – Она оттолкнула его и нахмурилась, когда Повелитель и не подумал отстраняться. – Ты должен поговорить с ней об этом, Сэйтан. В самом деле, пришло время. Она слишком молода, чтобы использовать эту сторону Ремесла. И почему вообще Джанелль принялась строить мост, когда может путешествовать на Ветрах?

Сэйтан по-прежнему гладил волосы женщины, прижимая ее голову к своему плечу. Она знала Джанелль уже пять лет, но до сих пор никак не могла понять, с чем именно имеет дело. Кассандра не понимала, что эта девочка была не просто юной Королевой, которая однажды станет Ведьмой. Это превращение уже завершилось. Но здесь и сейчас Сэйтан чувствовал, что и сам всего не понимает.

– Она сама не пользуется мостом, Кассандра, – осторожно произнес он. – Она посылает в путь других. Тех, кто не смог бы прийти иным способом.

Напугает ли правда ее так же сильно, как его самого? Скорее всего, нет. Она ведь не видела этих детей.

– А откуда они приходят? – с беспокойством поинтересовалась Кассандра.

– Из Брайарвуда, что бы это ни было.

– И куда попадают?

Сэйтан сделал глубокий вдох.

– На остров *килдру дьятэ*.

Кассандра изо всех сил оттолкнула его и неровной походкой направилась к столу. Она схватилась за край крышки, чтобы удержаться на ногах.

Сэйтан наблюдал за ней не без облегчения – в конце концов, Кассандра, конечно, была напугана, но не утратила способность мыслить здраво. Он немного подождал. Вскоре женщина взяла себя в руки. Сэйтан заметил тот миг, когда она перестала размышлять и прикидывать, какое могущество потребовалось бы для этого.

– Она строит мост отсюда в Ад!

– Да.

Кассандра отбросила с лица выбившийся локон. Вертикальная складка между бровями углубилась, когда бывшая Королева задумалась. Она покачала головой:

– Королевства нельзя соединить вот так.

Сэйтан снова взял свой бокал с ярбарахом и залпом осушил его.

– Очевидно, если построить *такой* мост, возможно все. – Он задумчиво рассматривал карту, начиная с южного конца острова и продвигаясь взглядом на север к Белдон Морю, изучая дюйм за дюймом и постукивая по столу длинными ногтями. – Здесь ничего нет. Если это маленькая деревушка рядом с Белдон Мором, то, возможно, ее сочли недостаточно значительной, чтобы отмечать на карте.

– Если это вообще деревушка, – пробормотала Кассандра.

Сэйтан замер на месте.

– Что ты сказала?

– А что, если это просто место? Очень многие неприметные местечки обладают своими именами, Сэйтан.

– Да, – протянул он. Его взгляд, казалось, был устремлен в пустоту. Но в каком месте с детьми могли сотворить *такое*? Он раздраженно зарычал. – Джанелль прячет что-то за этим чертовым туманом, Кассандра. Именно поэтому она не хочет, чтобы в этот город входил кто-либо из Темного Королевства. Кого Джанелль защищает?

– Сэйтан. – Кассандра осторожно коснулась его руки своей ладонью. – Возможно, она просто пытается защитить саму себя.

Золотистые глаза Сэйтана тут же приобрели резкий, яркий желтый цвет. Он отдернул руку, вскочил на ноги и заходил по комнате.

– Я бы никогда и ни за что не причинил ей вред. Джанелль достаточно хорошо знает меня, чтобы понимать это.

– Я верю, что она знает: ты не причинишь ей вред намеренно.

Сэйтан развернулся на пятках грациозным движением.

– Ну, скажи то, что хочешь, Кассандра, и покончим с этим. – Его голос, очень тихий и вкрадчивый, нес в себе рокот грома и лавину поднимающейся ярости.

Кассандра также начала двигаться по комнате, медленно обходя стол, чтобы он оказался между ними. Впрочем, в случае чего эта хитрость Сэйтана не остановит.

– Дело не только в тебе, Сэйтан. Неужели ты не понимаешь? – Она развела руками, безмолвно умоляя прислушаться к ее словам. – Есть еще я, и Андильвар, и Протвар, и Мефис тоже!

– Они бы не сделали ей ничего плохого, – холодно возразил тот. – За тебя, уж извини, не ручаюсь.

– Ты оскорбляешь меня! – резко воскликнула Кассандра и сделала глубокий вдох, пытаясь немного успокоиться. – Ну хорошо. Допустим, ты сегодня появишься на пороге ее дома. А что потом? Не думаю, что ее родные знают о тебе – да вообще о ком-либо из нас. Ты не подумал, каким потрясением будет для них внезапно услышать о ваших отношениях? Что, если они решат бросить ее?

– Она может жить со мной! – прорычал Сэйтан.

– Сэйтан, будь же благоразумен! Ты что, хочешь, чтобы девочка выросла в Аду, играя с мертвыми детьми, до тех пор, пока не забудет окончательно, каково это – находиться среди живых? Почему ты хочешь для нее такой участи?

– Мы могли бы жить в Кэйлеере.

– Как долго? Не забывай, кто ты такой, Сэйтан. Как ты думаешь, ее маленькие друзья охотно будут приходить в дом Повелителя Ада?

– Стерва, – прошипел он. Голос Сэйтана сочился ядом и болью. Он плеснул в бокал ярбараха, выпил его ледяным и скривился от мерзкого вкуса.

Кассандра опустила на стул, слишком ослабев, чтобы держаться на ногах.

– Может, я и стерва, но твоя любовь – это роскошь, которую Джанелль не может себе позволить. Она намеренно отгородила свой мир от нас всех и больше не появляется здесь. Неужели это ни о чем тебе не говорит? Никто, даже ты, не видел девочку на протяжении последних трех месяцев. – Она слабо улыбнулась ему. – Возможно, мы просто были ступенью, которую ей нужно было преодолеть.

На челюсти Сэйтана дернулся мускул. В его глазах появилось странное, почти сонное выражение. Когда Повелитель наконец заговорил, его голос звучал мягко, но был наполнен смертельным ядом.

– Я – не просто ступень, моя госпожа. Я – ее якорь, ее меч и щит.

– Ты говоришь так, словно служишь ей.

– Я и впрямь служу ей, Кассандра. Некогда я служил тебе, и на славу, но эти времена прошли. Я – Верховный Князь. Я понимаю Законы Крови, которые имеют силу в таких случаях, и первый из них гласит, что мужчины призваны не служить, но защищать.

– А если она не нуждается в твоей защите и не хочет ее?

Сэйтан сел напротив бывшей Королевы, слегка сжав руки на коленях.

– Когда она создаст собственный двор, то может выбросить меня прочь, если это будет ей угодно. Но до тех пор... – Слова угасли.

– Возможно, имеется и другая причина отпустить ее. – Кассандра сделала глубокий вдох. – Несколько дней назад ко мне приходила Геката. – Она вздрогнула, когда Сэйтан зашипел от гнева, но продолжила: – Если говорить коротко, то она пришла поглядеть на твое новое развлечение.

Сэйтан пораженно уставился на Кассандру. Бывшей Королеве хотелось, чтобы он отнесся к этому легко и спокойно, отбросил недавнее появление бывшей супруги, словно оно не имело ни малейшего значения! Но нет, эта женщина определенно осознавала опасность. Ей просто не хотелось ощутить на себе его гнев.

– Продолжай, – с обманчивой мягкостью произнес он. Беспокойство, тут же вспыхнувшее в глазах Кассандры, было ему хорошо знакомо. Точно такое же выражение Повелитель видел в глазах каждой женщины, которая оказывалась в его постели после того, как он начал носить Черный Камень. Даже Геката ощутила нечто похожее, хотя сумела на время скрыть это чувство, преследуя собственные цели. Но Кассандра была Ведьмой и сама носила Черный Камень. И сейчас Сэйтан впервые возненавидел ее за этот страх. За то, что она боялась его. – Продолжай, – повторил он.

– Я не думаю, что произвела на нее сильное впечатление, – поспешно произнесла Кассандра. – Мне показалось, что она вообще не поняла, кем я была. Однако она заметно забеспокоилась, осознав, что я Хранительница. В любом случае Гекату куда больше интересовало, что я знаю о ребенке, который может представлять для тебя интерес. Об этом «молодом барашке для праздничного стола», как она выразилась.

Сэйтан яростно выругался.

Кассандра невольно вздрогнула.

– Она из кожи вон лезла, рассказывая мне о твоём увлечении нежной детской плотью, очевидно надеясь, что пробудившаяся ревность сделает меня ее надежной союзницей.

– И что ты ей ответила?

– Что твои интересы сосредоточены на восстановлении Алтаря Тьмы, названного в честь Королевы, которой ты однажды служил. Я сообщила, что мне безумно польстило мнение, будто ты можешь найти меня интересной, но оно, к сожалению, в корне лишено оснований.

– Возможно, мне стоит несколько исправить это впечатление.

Кассандра одарила его нахальной улыбкой, но в ее глазах снова заплескался страх.

– Я не связываюсь с кем попало, Князь. Каковы ваши достоинства?

Сэйтан назло обошел стол, поднял Кассандру на ноги и прильнул к ее губам в долгом, нежном поцелуе.

– У меня достоинств больше, чем у кого бы то ни было, госпожа, – шепнул он, наконец отстранившись. Повелитель отпустил женщину, сделал шаг назад и набросил плащ на плечи. – К сожалению, я должен быть в другом месте.

– И как долго ты собираешься ждать ее?

Как долго? Темные ведьмы, сильные ведьмы, могущественные ведьмы. Они всегда были готовы взять то, что он предлагал, как в постели, так и за ее пределами, но при этом ни одна не любила его, не доверяла ему. Все боялись его. А теперь появилась Джанелль. Сколько придется ждать?

– До тех пор, пока она не вернется.

6. Ад

Ножом он полоснул по нервам, настойчивый и пронзительный.

Застонав во сне, Сэйтан перевернулся и натянул одеяло на плечи.

Покалывание никуда не исчезло. Это был зов. Призыв.

Только для носителей Черного.

Сэйтан открыл глаза в угольно-чернильной тьме комнаты, прислушиваясь как на физическом, так и на ментальном уровне.

Пронзительный крик ярости и отчаяния затопил его сознание.

– Джанелль, – прошептал он, вздрогнув, когда босые ноги ступили на холодный каменный пол. Натянув кое-как халат, он вышел в коридор, затем остановился, не зная, куда идти. Собранный с силами, он отправил громкий мысленный призыв по Черным нитям. «Джанелль!»

Никакого ответа. Только то же покалывание, щедро приправленное страхом, отчаянием и яростью.

Она по-прежнему была в Террилле. Эта мысль пронзила его разум, когда Сэйтан помчался вперед по извилистым коридорам Зала. Не было времени гадать, каким образом Джанелль сумела перебросить эту мысль-призыв через Королевства. Ни на что больше не было времени. Его Госпожа была в беде – и совершенно недостижима.

Сэйтан вбежал в Зал, проигнорировав жгучую боль в ноге. Силой мысли распахнул двойные двери, ведущие прочь из помещения. Он помчался дальше по широким ступенькам и обогнул здание, направляясь к отдельному строению, где располагался Алтарь Тьмы.

Хватая ртом воздух, Повелитель сорвал железные ворота с петель и вошел в просторную комнату. Его руки тряслись, когда Сэйтан ставил серебряный канделябр с четырьмя свечами в центре гладкого черного камня. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, он зажег три черных свечи, представлявшие три Королевства, в должном порядке, чтобы открыть Врата между Адом и Терриллем. Затем загорелась свеча в центре треугольника, созданного остальными тремя. Она воплощала в себе Сущность и призывала силу Врат. Сэйтан нетерпеливо ждал, пока стена позади Алтаря медленно превращалась из камня в туманную дымку, открывая проход между Королевствами.

Повелитель Ада шагнул в туман. Четвертый шаг наконец вывел его наружу, в разрушенный храм, где находился Алтарь Тьмы Террилла. Проходя мимо, Сэйтан не мог не отметить, что черные свечи в потускневшем канделябре почти прогорели, и невольно задумался, почему этот Алтарь использовали так часто. Вскоре он уже оказался снаружи, и времени гадать больше не было.

Он призвал силу Черного Камня и направил призыв по прочной ментальной нити.

«Джанелль!»

Сэйтан ожидал ответа, борясь с искушением вскочить на Черный ветер и отправиться на Шэйллот. Если он сейчас пустится в путешествие таким образом, то потеряет возможность связаться с ней на несколько часов. К тому времени уже может быть слишком поздно. «Джанелль!» – снова позвал он.

«Сэйтан? Сэйтан!» Ее голос доносился с другого конца Королевства и звучал как надломленный шепот.

«Ведьмочка!» Он влил всю силу в эту ненадежную связь.

«Сэйтан, прошу тебя... Я должна... мне нужно...»

«Борись, ведьмочка, борись! У тебя хватит силы!»

«Мне нужно... я не знаю, как... Сэйтан, пожалуйста...»

Даже у Черного Камня были свои пределы. Скрипя зубами, Сэйтан выругался, когда длинные ногти врезались в ладони, и по ним потекли тонкие струйки крови. Если он сейчас потеряет ее... Нет. Он *не* потеряет ее. Что бы ни пришлось сделать, он отыщет способ передать Джанелль то, в чем она отчаянно нуждается.

Но эта связь между ними была настолько непрочной, что ее могло разорвать все, что угодно, к тому же внимание девочки было сосредоточено на чем-то другом. Если сейчас ниточка оборвется, он не сумеет охватить мыслью все Королевство и снова ее отыскать. Удерживать связь со своей стороны было невероятно тяжело, Черный Камень опустошался с невероятной скоростью. Сэйтану не хотелось даже думать о том, чего ей должна была стоить успешная попытка дотянуться до него – в Ад. Если только удастся воспользоваться кем-то другим в качестве точки перехода, если он сможет переплести свою силу с чужой хотя бы на минуту... Кассандра? Слишком далеко. Если он сейчас потратит оставшуюся энергию на бесплодные поиски, то наверняка утратит связь с Джанелль.

Но ему отчаянно нужна чужая сила!

И неожиданно он нашел ее источник. Настороженный, рассерженный, настойчивый. Еще один разум на Черной ментальной нити, устремленный к западу. В направлении Шэйллота.

Еще один мужчина.

Сэйтан застыл. Только один мужчина, кроме него, носил Черный Камень.

«Кто ты?» – донесся до него глубокий, бархатный голос с грубоватой, соблазнительной хрипотцой. Опасный голос.

Что он мог сказать? Точнее, что он мог *осмелиться* сказать своему сыну, которого любил всего несколько коротких лет, прежде чем его заставили отойти в сторону? Не было времени восстановить их отношения. Точно не сейчас. Поэтому Повелитель Ада предпочел назваться титулом, который не слышали в Террилле уже тысячу семьсот лет.

«Я – Верховный Жрец Песочных Часов».

Между ними пробежала легкая дрожь. Настороженное признание, которое таковым не являлось. Это могло означать только одно: Деймон уже слышал этот титул раньше, но не знал человека, который его носил.

Сэйтан сделал глубокий вздох.

«Мне нужна твоя сила, чтобы удержать эту связь».

Долгая пауза.

«Зачем?»

Сэйтан скрипнул зубами, не осмеливаясь уходить мыслями прочь от хрупкой связи.

«Я не могу дать ей знание, в котором она нуждается, а если она не получит его, возможно, ее уничтожат».

Даже несмотря на отсутствие настоящей связи между ними, он почувствовал, что Деймон взвешивает услышанное.

Внезапно поток чистой, едва контролируемой Черной силы захлестнул его, и Деймон сказал:

«Возьми то, что тебе нужно».

Сэйтан зачерпнул чужую силу, безжалостно осушая ее источник, и отправил острую как нож мысленную стрелу в сторону Шэйллота.

«Госпожа!»

«Помоги...»

Сколько отчаяния было в этом слове.

«Возьми то, что тебе нужно». Слова Кодекса. Слова службы. Слова повиновения.

Сэйтан отбросил все внутренние барьеры, предоставляя Джанелль свободный доступ ко всему, что знал, всему, чем он был. Он упал на колени и схватился за голову, уверенный, что его череп треснет от той боли, которую на него обрушила девочка, копаясь в его разуме, словно открывая и закрывая буфеты и расшвыривая содержимое в лихорадочном поиске нужных вещей. Ей потребовалось лишь одно мгновение. Сэйтану показалось, что оно продлилось вечно. Наконец Джанелль вышла из его сознания, и связь с ней ослабла.

«Спасибо тебе, – отдаленный шепот, еле слышный. – Спасибо тебе».

Второе «спасибо» было предназначено не для него.

Сэйтану показалось, что прошло несколько часов, а не минут, прежде чем его руки наконец безвольно упали на бедра, и он запрокинул голову, глядя в небо, на котором занимался фальшивый рассвет. Потребовалась еще минута, чтобы осознать: он не один и чужой разум по-прежнему слегка соприкасается с его собственным, излучая теперь не только настороженность.

Сэйтан поспешно опустил внутренние щиты.

«Ты сделал доброе дело, Князь. Я благодарю тебя... от ее имени». Он предусмотрительно начал отдаляться от существующей между ними связи, не уверенный, что сейчас выдержит столкновение с Деймоном.

Но его сын последовал примеру отца, очевидно измотанный до предела.

Когда связь уже угасала, за мгновение до того, как Сэйтан оказался наедине с собой, до него донесся слабый голос Деймона, сочащийся мягкой, но выразительной угрозой:

«Не становись у меня на пути, Жрец».

Схватившись за один из столбиков своей кровати с высоким пологом, Деймон кое-как поднялся на ноги. В тот же момент распахнулась дверь, и в комнату осторожно вошли шесть охранников.

Обычно это было бы достаточной причиной для того, чтобы испугаться, но не сегодня. Даже если бы Деймон не осушил только что источник своей силы до последней капли, он не стал бы бороться. Сегодня ночью, что бы с ним ни произошло, он не будет сопротивляться: ему необходимо выиграть время, потому что ей, где бы она ни была, отчаянно требовалась возможность восстановить силы.

Охранники взяли его в кольцо и вывели на залитый ярким светом внешний двор. Увидев два столба с кожаными ремешками, укрепленными сверху и снизу на каждом, он на кратчайший миг замешкался.

Леди Корнелия, нынешняя Королева, купившая его услуги у Доротеи Са-Дьябло, стояла возле столбов. Ее глаза ярко сверкали, а голос сочился возбуждением.

– Раздеть его.

Деймон сердито оттолкнул руки стражников и начал раздеваться, когда стрела боли Кольца Повиновения на мгновение вышибла из него дух. Он поднял глаза на Корнелию и опустил руки.

– Раздеть его, – повторила она.

Грубые руки стянули остатки одежды и потащили его к столбам. Охранники крепко привязали его запястья и лодыжки к деревянным кольшкам, затягивая кожаные ремни до тех пор, пока не распыли окончательно, лишив Деймона возможности даже пошевелиться.

Корнелия улыбнулась:

– Рабу запрещено использовать Камни. Рабу запрещено прибегать к Дару, не считая основ Ремесла, как тебе прекрасно известно.

Да, он это знал. Не менее четко Деймон отдавал себе отчет и в том, что Корнелия обязательно почувствует высвобождение такого количества темной силы и накажет его за это. Для большинства мужчин одна угроза боли – особенно причиняемой Кольцом Повиновения – была достаточной причиной, чтобы оставаться в подчинении. Но он научился встречать муку как нежную любовницу и использовал пытку, чтобы подогревать свою ненависть к Доротее. А заодно ко всем и всему, что было с ней связано.

– Наказание за подобное непослушание – пятьдесят плетей, – произнесла Корнелия. – Считать будешь *ты сам*. Если пропустишь хоть один удар, они будут сыпаться снова и снова, пока не назовешь верную цифру. Если собьешься, счет начнется сначала.

– Что же скажет леди Са-Дьябло, узнав о том, как вы обращаетесь с ее собственностью? – издевательски поинтересовался Деймон, заставляя себя говорить ровно и уверенно.

– Учитывая обстоятельства, я не думаю, что леди Са-Дьябло стала бы возражать, – мило отозвалась Корнелия. Затем изменившимся голосом, хлестким, как удар плетью, она приказала: – Начинайте!

Деймон услышал свист до того, как ощутил обжигающий удар. На краткое мгновение по его телу пробежала странная, ненормальная дрожь удовольствия, но потом мышцы вспомнили боль, узнали ее. Он резко втянул воздух сквозь зубы.

– Один.

За все нужно платить.

– Два.

Кодекс Крови или же часть кодекса чести?

– Три.

Он никогда не слышал о Верховном Жреце Песочных Часов – до тех пор, пока не нашел предупреждение Сюрреаль, но в этом чужом разуме было и что-то очень знакомое...

– Четыре.

Кто же, кто же был Жрецом?

– Пять.

Верховный Князь...

– Шесть.

Вроде него самого...

– Семь.

Который к тому же носил Черный Камень.

– Восемь.

Что ж, за все надо платить.

– Девять.

Кто научил его этому?

– Десять.

Он старше. Более опытен.

– Одиннадцать.

Находился к востоку отсюда.

– Двенадцать.

А она – к западу.

– Тринадцать.

Он не знал, кто она, зато знал, *что* она собой представляет.

– Четырнадцать. Пятнадцать.

За все надо платить.

Охранники волоком притащили его обратно в комнату и заперли дверь.

Деймон тяжело упал на ладони и колени. Прижавшись лбом к полу, он попытался усилием воли приглушить обжигающую боль в спине, ягодицах и ногах – хотя бы для того, чтобы подняться на ноги. Пятьдесят ударов, и каждый раз плоть разрывала хлестким языком его плоть. Пятьдесят ударов. Но ни одним больше. Деймон ни разу не сбился со счета, несмотря на всплески боли, посылаемые Корнелией через Кольцо Повиновения в тщетных попытках отвлечь его.

Медленно встав, мужчина с трудом заставил себя принять почти вертикальную позицию и побрел в ванную, не сумев заглушить стонущие всхлипы, которыми невольно сопровождался каждый шаг.

Наконец оказавшись в нужной комнате, он оперся дрожащей рукой о стену и повернул оба крана, чтобы наполнить ванну теплой водой. Зрение то и дело размывалось, все тело дрожало от боли и переутомления. Только с третьей попытки Деймону удалось призвать свой запас целительных принадлежностей. Затем ушло не меньше минуты на то, чтобы прояснить зрение и отыскать нужную банку.

Эти истолченные в порошок травы, смешанные с водой, очищали раны, приглушали боль и начинали процесс исцеления, ускоряя его в несколько раз – разумеется, если удастся сосредоточиться как следует и *если* сумеешь дотянуться достаточно далеко до глубин своей души, чтобы зачерпнуть необходимую силу. Чтобы исцелить разорванную плетью плоть, потребуется прибегнуть к Ремеслу.

Губы Деймона изогнулись в мрачной улыбке, когда он осторожным движением выключил воду. Если бы он сейчас отправил по Черной нити призыв, если бы попросил Жреца о помощи, то получил бы ее? Вряд ли. Этот человек не был врагом. Пока не был. Но Сюрреаль правильно поступила, оставляя ему записки, предупреждавшие о Жреце.

Деймон не удержался от вскрика, когда баночка выскользнула из неловких пальцев и разбилась вдребезги о пол ванной. Он упал на колени и громко зашипел, порезавшись об один из осколков. Князь смотрел на рассыпавшийся порошок, чувствуя, как в глазах собираются

слезы – настолько сильны были боль и разочарование. Без этих трав, возможно, удастся кое-как залечить раны, возможно, даже полностью остановить кровь... но останутся шрамы. Деймону не нужно было смотреть в зеркало, чтобы представлять себе, как именно он после этого будет выглядеть.

– Нет! – Он и сам не заметил, как отправил мысленный призыв о помощи. Он просто пытался выплеснуть нахлынувшие чувства.

Через минуту, когда он по-прежнему стоял на полу в ванной, дрожа и пытаясь не выпускать всхлипов, которые упорно срывались с губ, к его плечу прикоснулась чья-то рука.

Деймон развернулся на месте. Дикий взгляд блуждал, зубы оскалены.

В комнате не было никого, кроме него. Ощущение прикосновения тоже пропало. Но в ванной определенно чувствовалось чье-то присутствие. Чужое, незнакомое... и вместе с тем...

Деймон пустил мысленный импульс по комнате, но ничего не обнаружил. И все же этот неизвестный оставался здесь, походил на что-то, видимое только уголком глаза и исчезающее, как только пытаешься приглядеться. Тяжело дыша, Деймон ждал.

Прикосновение, которое вскоре повторилось, было неуверенным, осторожным. Он вздрогнул, когда неизвестный мягко ощупал его спину. Вздрогнул, потому что, наряду с беспокойством и усталостью, это прикосновение было пропитано холодным, ледяным гневом.

Измельченные травы и разбитая банка исчезли без следа. Через мгновение над ванной завис медный шарик, изрешеченный отверстиями вроде тех, что используются при приготовлении чая, и опустился в воду. Маленькие призрачные ладошки, мягкие и в то же время сильные, помогли Деймону осторожно опуститься в ванну.

Он охнул, когда открытые раны коснулись воды, но руки упорно давили на плечи, заставляя опускаться все ниже и ниже, до тех пор пока мужчина не вытянулся на спине, погрузившись в воду. Через мгновение он понял, что больше не чувствует прикосновения этих рук. Обеспокоенный мыслью о том, что связь могла прерваться, он попытался подняться и сесть. Однако в тот же миг Деймон обнаружил, что чужие руки не позволяют ему сделать это.

Он расслабился и вскоре осознал, что вся кожа словно онемела от подбородка до кончиков пальцев. Деймон больше не чувствовал боли. Благодарно вздохнув, он откинул голову на край ванны и закрыл глаза.

Его омыла сладостная, странная темнота. Деймон застонал – но уже не от боли, а от наслаждения.

Странно. Как, оказывается, может блуждать разум. Мужчина готов был поклясться, что чувствует запах моря и силу волн. За ними последовал богатый, насыщенный аромат вскопанной земли после теплого весеннего дождя. И благословенное тепло солнечного света тихим летним днем. Чувственное удовольствие, когда обнаженное тело скользит по чистым, прохладным простыням.

Когда Деймон неохотно открыл глаза, ее ментальный аромат еще держался в комнате, но он понял, что она ушла. Князь шевельнул ногой в остывшей воде. Медный шарик тоже исчез.

Деймон осторожно выбрался из ванны, открыл сливное отверстие и покачнулся, не зная, что делать дальше. Наконец он решился и потянулся за полотенцем. Промокнув торс спереди, чтобы немного обсохнуть, он остановился, не решаясь коснуться спины. Стиснув зубы, Деймон повернулся к зеркалу и обернулся через плечо. Лучше сразу узнать, насколько серьезен нанесенный ущерб.

Он потрясенно уставился в зеркало.

На золотисто-коричневой коже виднелись только пятьдесят белых линий, словно их начертили мелом на доске. Они казались очень хрупкими – придется несколько дней быть очень и очень осторожным, прежде чем раны окончательно заживут, но Деймон был исцелен. Если они не откроются повторно, эти линии скоро исчезнут, не оставив шрамов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.